ПУТЕШЕСТВІЕ

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

И

ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ.

ВЪ 1869 ГОДУ

МОСКВА.

1869.

4.
...ДВОРЦА.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

и

ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ

ВЪ 1869 ГОДУ.

МОСКВА.
Въ Университ. типографіи (Катковъ и К.°),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

Дозволено цензурою. Москва. Іюля 24-го
1869 года.

Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны.

Въ воскресенье 13-го числа, въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра, Москва проводила Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыню Цесаревну на путь въ Нижній Новгородъ. День былъ жаркій—ни вѣтерка. Почти на каждой станціи собирались густыя толпы рабочаго населенія которымъ такъ богата промышленная Владимірская губернія, посмотрѣть на Августѣйшую Чету; и всѣ остались удовлетворенными. Его Высочество вмѣстѣ съ Государыней Цесаревной изволили выходить почти на каждой станціи, на платформу Своего вагона, такъ что народъ могъ видѣть Ихъ свободно; но любо было посмотрѣть на этихъ зрителей, видѣть эту массу здоровыхъ, довольныхъ лицъ, сіяющихъ всѣми чертами, и слышать этотъ любезный русскому сердцу громовой привѣтъ народа Царю и Царскому Дому. Конечно, если есть въ мірѣ хоръ безъ фальшивой ноты, то здѣсь можно его услышать. Русская

душа, народная душа радуется. Въ живомъ лицѣ Царя и Сына Царскаго, она себя узнаетъ и видитъ, — и слышитъ жизнь и судьбу свою.

На нѣкоторыхъ станціяхъ ожидали прибытія Ихъ Высочествъ представители сословій съ хлѣбомъ-солью и съ фруктами. Такія депутаціи представлялись Ихъ Высочествамъ въ Павловскомъ посадѣ, въ Ковровѣ, въ Вязникахъ; на Новскую станцію выѣхали для встрѣчи депутаціи отъ города Шуи и отъ Вознесенскаго посада. Шуйскій городской голова С. Н. Гарелинъ и предсѣдатель земской управы П. П. Волковъ, представляя хлѣбъ-соль, сказали Ихъ Высочествамъ привѣтливыя рѣчи. Эти рѣчи просто, но выразительно сказанныя внятнымъ, звучнымъ голосомъ пришлись по сердцу всѣмъ, кто ихъ слышалъ. На Ковровской станціи рѣчей не было, но старикъ, городской голова, со слезами бросился къ рѣшеткѣ за которою стояли Августѣйшіе Путешественники, выражая свой восторгъ какъ умѣлъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Наконецъ въ 9-мъ часу вечера открылся Нижній Новгородъ. У станціи дожидалась тьма тьмущая народу который густыми рядами и толпами по-

крывалъ всю дорогу отъ станціи до кремля и собора. Путь лежалъ вдоль луговаго берега Волги, и Государыня Цесаревна могла любоваться вдоволь восхитительнымъ видомъ противоположнаго нагорнаго берега иллюминованнаго огнями. Съ моста виднѣлись, влѣво, въ вечернемъ туманѣ, сотни огоньковъ на мачтахъ судовъ,—картина была чудная; но нельзя себѣ представить ничего восхитительнѣе того вида который открывается изъ угловаго окна Царскихъ комнатъ Кремлевскаго Дворца на Волгу въ томъ мѣстѣ гдѣ она принимаетъ въ себя Оку и на широкую зеленую даль по ту сторону Волги.

На слѣдующее утро Ихъ Высочества изволили принимать военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и представителей отъ сословій Нижегородской губерніи; затѣмъ присутствовали на военномъ парадѣ и прямо изъ лагеря проѣхали въ Крестовоздвиженскій дѣвичій монастырь, гдѣ были встрѣчены духовенствомъ и игуменьей съ монахинями, а по возвращеніи въ кремль посѣтили Архангельскій соборъ и народную святыню всей земли руской—гробницу Козьмы Минина, нижегородскаго гражданина. Преосвященный Филаретъ

епископъ нижегородскій (бывшій уфимскій и извѣстный дѣятель по возсоединенію уніатовъ) встрѣтилъ Ихъ Высочества у дверей нижняго собора. Преклонившись по обычаю русскихъ людей предъ гробницей, Великій Князь осмотрѣлъ ее и замѣтилъ ея ветхость и бѣдность. Мысль объ устройствѣ новаго болѣе приличнаго памятника надъ прахомъ Минина, выраженная Великимъ Княземъ, Богъ дастъ, скоро перейдетъ въ дѣло. Едва разнеслось въ городѣ слово сказанное Государемъ Цесаревичемъ, какъ уже явились готовыя средства къ ея осуществленію.

После обѣда, въ саду Дворцоваго Дома собраны были крестьянки села Безводнаго въ нарядныхъ своихъ парчевыхъ уборахъ, и особыми группами, Мордовки и Черемисянки въ своихъ костюмахъ увѣшанныхъ наборомъ старинныхъ и новыхъ серебряныхъ монетъ. Ихъ угощали конфектами и пряниками. Въ то же время въ нижней залѣ Дворца, представлялись Государынѣ Цесаревнѣ малолѣтныя ученицы крестьянской школы изъ села Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда. Школа эта образовалась сама собою нѣсколько лѣтъ тому назадъ усердіемъ жены священника взявшейся за обученіе кресть-

янскихъ дѣвочекъ: мало-по-малу, распространяясь, школа эта организовалась; приглашена была другая учительница, и число ученицъ умножилось до 260.

Въ прошломъ году, по просьбѣ попечителя школы, крестьянина Маркова, и по ходатайству всего Богородскаго общества, Государыня Цесаревна, удостовѣрившись изъ отзывовъ мѣстнаго начальства что училище это находится въ отличномъ порядкѣ и считается образцовымъ, соизволила принять его подъ Свое покровительство; оно было уже удостоено милостиваго пособія отъ Ея Высочества деньгами и книгами. Теперь лучшія изъ ученицъ пріѣхали въ Нижній вмѣстѣ съ своими воспитательницами, со священникомъ, попечителемъ и мѣстнымъ мировымъ посредникомъ, чтобъ имѣть счастіе представиться Ея Высочеству. Государыня Цесаревна, обласкавъ дѣвочекъ, раздавала имъ золотые крестики.

Вечеромъ въ тотъ же день устроено было на площади народное гулянье съ качелями, пѣснями и музыкой. Когда Ихъ Высочества выѣхали на гулянье, коляска едва могла двигаться во множествѣ народа; но съ гулянья Государю Цесаревичу съ Супругой угодно было

еще проѣхать по дальнимъ улицамъ, по верхней и нижней набережной Волги.

Утромъ слѣдующаго дня къ 12-ти часамъ на пустынной еще и мертвой ярмаркѣ замѣтно было необычайное движеніе. Весь путь отъ моста и до ярмарочной часовни былъ залитъ волнами народа, ожидавшаго прибытія Цесаревича и Цесаревны для открытія ярмарки. Вотъ раздался далекій гулъ тысячи голосовъ, вотъ онъ все ближе, все громче, вотъ онъ сливается въ одно несмолкаемое *ура*, шапки летятъ вверхъ и тихо, едва подвигаясь среди волнъ ликующаго народа, приближается открытая коляска съ любимою юною Четой, привѣтливо и весело раскланивающеюся по обѣ стороны. У подъѣзда встрѣченные духовенствомъ и всѣми почетными лицами губерніи, Они взошли въ часовню и началось молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія всему Царствующему Дому. Послѣ молебствія взвились флаги—ярмарка открылась и впервые со времени ея существованія открылъ ее Наслѣдникъ Русскаго Престола. Послѣ молебствія Цесаревичъ съ Цесаревной поѣхали въ главный ярмарочный домъ. гдѣ у входа Ихъ привѣтствовали прибывшіе сюда предсѣдатели Московскаго и Рыбинскаго биржевыхъ комите-

товъ Т. С. Морозовъ и И. А. Малютинъ, поднесшіе Ихъ Императорскимъ Высочествамъ хлѣбъ-соль, а при входѣ въ главный домъ предсѣдатель Нижегородскаго биржеваго комитета А. П. Шиповъ, окруженный членами комитета, нарочно пріѣхавшею въ Нижній депутаціей московскаго купечества, состоявшею изъ А. К. Крестовникова, В. П. Мошнина, гг. Дьячкова и Корнилова, и мѣстнымъ нижегородскимъ купечествомъ.

А. П. Шиповъ поднесъ хлѣбъ-соль на прекрасномъ блюдѣ работы Орлова и привѣтствовалъ Цесаревича отъ имени биржеваго купечества, принося Его Высочеству благодарность за посѣщеніе и за участіе къ интересамъ русской промышленности. А. П. Шиповъ заключилъ свое привѣтствіе слѣдующими словами: „Мы услыхали, Ваше Императорское Высочество, что преклонивъ съ Государыней Цесаревной вчерашній день колѣна предъ гробницей достославнаго гражданина нижегородскаго Козьмы Минина, Вы изволили выразить сожалѣніе что она находится въ столь ветхомъ, недостойномъ славнаго имени, видѣ. Ваше желаніе, Августѣйшій Цесаревичъ, дорого биржевому купечеству, и оно проситъ Васъ дозволить Ему соорудить

новую гробницу. Зная вмѣстѣ съ тѣмъ что Ваше Императорское Высочество состоите предсѣдателемъ коммиссіи для построенія въ Петербургѣ храма въ память покойнаго Цесаревича Николая, мы просимъ Васъ принять отъ насъ послѣднее наше приношеніе на его сооруженіе.“ Цесаревичъ благодарилъ въ такихъ же словахъ за исполненіе Его желанія и обѣщалъ прислать образъ преподобныхъ Козьмы и Даміана для гробницы. Пріѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Нижній былъ ознаменованъ не однимъ этимъ пожертвованіемъ: нижегородское городское общество постановило, въ память этого событія, учредить при Городской больницѣ родовспомогательное заведеніе на 25 кроватей и особый пріютъ для сиротъ.

За освященіемъ ярмарки слѣдовалъ осмотръ выставки мѣстныхъ крестьянскихъ издѣлій. Здѣсь были: деревянная посуда, валеныя издѣлія, павловскіе ножи и ножницы, полушубки, балахнинскія кружева, однимъ словомъ всѣ издѣлія производствомъ которыхъ поддерживаетъ существованіе своей семьи житель неблагодарной песчаной и лѣсистой полосы Нижегородской губерніи, и всѣ они наперерывъ

стремились поднести Цесаревнѣ свои издѣлія, которыхъ набралось столько, что врядъ ли они умѣстились бы въ самый громадный сундукъ мѣстнаго издѣлія, поразившій Цесаревну и величиной своею и оригинальною формой. При выходѣ съ выставки Великій Князь Цесаревичъ разговаривалъ съ представителями купечества и съ нѣкоторыми изъ членовъ московской депутаціи, въ числѣ которыхъ Онъ встрѣтилъ нѣсколько членовъ тарифной коммиссіи 1868 года. Цесаревна удостоила также милостивымъ словомъ московскую депутацію и замѣтила имъ что очень часто воспоминаетъ объ очаровательномъ праздникѣ въ Сокольникахъ устроенномъ въ честь Ихъ пріѣзда въ 1867 году. Послѣ посѣщенія ярмарочнаго собора и объѣзда всей ярмарки Ихъ Высочества воротились во дворецъ.

Къ вечеру назначено было переѣхать на пароходъ. Между тѣмъ для проводовъ Ихъ Высочествъ устроено было отъ нижегородскаго дворянства вечернее гулянье. Оно удалось вполнѣ, и оставило всѣмъ участникамъ и зрителямъ пріятнѣйшія впечатлѣнія. Въ семь часовъ вечера Ихъ Высочества, сопровождаемыя радостными криками наро-

да собравшагося у пристани, изволили сѣсть на пароходъ *Ахтуба* нанятый для прогулки по Волгѣ. Здѣсь уже собрались предводители дворянства и почетнѣйшія лица мѣстнаго военнаго и гражданскаго управленія, съ своими семействами. На палубѣ расположился оркестръ Сакса и устроены были богатые буфеты: губернскій предводитель дворянства г. Турчаниновъ, въ качествѣ хозяина праздника, не переставалъ хлопотать объ удовольствіи и удобствахъ Августѣйшихъ Гостей. Вслѣдъ за *Ахтубой* шли еще два большіе парохода наполненные публикой. Прекраснѣйшій тихій вечеръ показывалъ Волгу во всемъ ея величіи. Государь Цесаревичъ съ Цесаревною взошли на высокую рупку съ которой открывался широкій видъ во всѣ стороны на чудный, поистинѣ царственный городъ, на далекую ширь луговаго берега и на тихія воды русской кормилицы Волги—встрѣчавшей Государыню Цесаревну первыми, самыми свѣжими впечатлѣніями. Пароходъ поднялся сначала до Сибирской пристани, гдѣ собрались и начинали разгрузку первыя суда пришедшія снизу; потомъ, повернувъ назадъ, спустился верстъ на двѣнадцать ниже города, при звукахъ музыки и безпрестанныхъ при-

вѣтствіяхъ съ берега и со встрѣчныхъ баржъ и пароходовъ. Къ вечеру палящій зной смѣнился пріятною прохладой, и трехчасовое плаваніе не успѣло еще утомить дорогихъ гостей, когда пароходъ остановился за нѣсколько верстъ отъ Нижняго, гдѣ былъ сожженъ прекрасный фейерверкъ устроенный съ большимъ вкусомъ. Когда загорѣлись финальные щиты съ вензелями, раздались заздравные тосты съ именами Государя Императора, Государыни Императрицы, Ихъ Императорскихъ Высочествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ. Пили за здоровье Августѣйшаго Именинника Великаго Князя Владиміра Александровича и за Великаго Князя Алексѣя Александровича подъѣзжавшаго въ эту пору къ Нижнему по Московской желѣзной дорогѣ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ отвѣчать тостомъ нижегородскому дворянству устроившему прекрасный праздникъ. *Ахтуба* причалила наконецъ къ пароходу *Счастливый* на которомъ должно было совершаться дальнѣйшее плаваніе Ихъ Высочествъ. Несмотря на усталость отъ знойнаго дня, чудная лунная ночь заставила всѣхъ еще оставаться на верху, на палубѣ: никому не хотѣлось идти въ душныя каюты, и дол-

го еще можно было наслаждаться тишиной и свѣжестью ночнаго воздуха.

Берегъ у пристани былъ еще покрытъ народомъ и въ первомъ часу ночи раздалось новое, заздравное *ура!* на встрѣчу Великому Князю Алексѣю Александровичу прiѣхавшему на пароходъ со станцiи желѣзной дороги. Въ третьемъ часу ночи, только что начало разсвѣтать, пароходъ двинулся дальше, внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

16-го числа, на пути въ Казань, не доѣзжая до Свiяжска, пароходъ остановился на ночную стоянку, въ 7-мъ часу вечера, у песчанаго берега покрытаго пескомъ, изъ-за котораго виднѣлась колокольня. Немедленно устроилась перегрузка на берегъ. Ихъ Высочества со всею сопровождающею свитой переѣхали на шлюпкѣ на берегъ, гдѣ уже собралась кучка рыбаковъ только что начинавшихъ подозрѣвать кого они встрѣчаютъ. По сыпучему песку, чрезъ лѣсокъ, добрались до села Кокшайска: встрѣтившiйся на дорогѣ тарантасъ съ сѣдоками, завидѣвшими Великихъ Князей, быстро поворотилъ назадъ въ село, и тотчасъ же высыпали изъ-за околицы всѣ крестьяне и бабы съ ребятишками, и на колокольнѣ раздался звонъ во всѣ колокола. Нежданные Гости во-

шли въ церковь въ сопровожденіи крестьянъ. Каменная церковь старинной постройки украшена благолѣпно, съ золоченымъ старымъ иконостасомъ; мѣстныя иконы въ золоченыхъ ризахъ; все въ ней оказалось чисто и прибрано, свѣчи зажжены предъ иконами и на аналоѣ положены Евангеліе съ крестомъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ священника не было: онъ уѣхалъ по церковнымъ дѣламъ за 60 верстъ въ городъ Царево-Кокшайскъ, и изо всей службы церковной одинъ сторожъ оказался дома. Представительнымъ лицомъ явилась предъ Гостями жена священника. Помолившись въ храмѣ и оставивъ въ пользу его приношеніе, Государь Наслѣдникъ съ Цесаревной и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ вошли въ домъ священника. При всей простотѣ убранства пріятно было найти въ немъ совершенную чистоту и порядокъ. Гости расположились въ большой комнатѣ: въ углу предъ иконой горѣла опрятно оправленная лампадка, и на столикѣ лежали развернутыя книги и журналы духовнаго содержанія; стѣны увѣшаны, по обычаю, портретами царственныхъ особъ и архіереевъ. Хозяйка не знала какъ быть и что дѣлать отъ изумленія и отъ радости; въ

сѣняхъ, на дворѣ, подъ окнами, собралась цѣлая деревня: жители, конечно, и во снѣ не мечтали что въ гости къ нимъ пожалуетъ Государь Наслѣдникъ съ Цесаревною. Хозяйка подводила къ Государынѣ Цесаревнѣ поочередно всѣхъ малолѣтныхъ дѣтей своихъ которыхъ Великая Княгиня обласкала и одѣлила золотыми крестиками. Оставивъ подарокъ осчастливленному дому, Великій Князь надѣлилъ и всю деревню жалованьемъ. Каждому изъ крестьянъ, на 40 душъ, дано по два рубля съ половиною, и деньги эти тутъ же вручены одному изъ нихъ котораго они сами выбрали, съ тѣмъ чтобъ онѣ внесены были въ волостное правленіе на уплату податей. Между тѣмъ къ берегу ожидали Великаго Князя депутаты отъ сосѣдняго Моршанскаго посада, вновь побѣжавшіе крестьяне и рыбаки забросившіе тоню, какъ они говорили, на счастье Цесаревичу. Въ 9 часовъ вечера всѣ вернулись на пароходъ, сопровождаемые радостными криками собравшагося народа.

Четвергъ, 17-го іюля. Въ 9 часу утра показался Свіяжскъ, и вскорѣ за тѣмъ послышались торжественные звуки музыки. Подходилъ изъ Казани большой пароходъ, наполненный мѣстными жителями и представителями сословій выѣхавшими для встрѣчи. Весь хоръ пѣлъ *Боже Царя храни*, мущины махали шляпами, дамы — своими букетами, которые потомъ бросали въ воду на встрѣчу Царственнымъ Гостямъ. Съ Бакалдинской пристани, сквозь несмѣтную массу народа и густыя облака пыли, Августѣйшіе Путешественники доѣхали до Спасскаго монастыря гдѣ были встрѣчены высокопреосвященнымъ архіепископомъ Антоніемъ съ духовенствомъ. Несмотря на громадное стеченіе народа, порядокъ въ эту пору и вообще во все время пребыванія Цесаревича въ Казани былъ удивительный, что̀ зависѣло конечно отъ благовременныхъ и искусныхъ распоряженій полиціи.

По окончаніи обычнаго пріема, послѣ обѣда, Высокіе Гости выѣхали прежде всего въ Казанскій монастырь, гдѣ поклонившись святынѣ Казанской, чудотворной иконѣ Божіей Матери, изволили зайти въ кельи игуменьи. Отсюда

посѣтили Родіоновскій женскій институтъ и Казанскую духовную академію, гдѣ опять были встрѣчены пріѣхавшимъ изъ монастыря архіепископомъ Антоніемъ и ректоромъ академіи. Въ академической церкви были представлены Ихъ Высочествамъ профессора, преподаватели и воспитанники; затѣмъ, осмотрѣвъ аудиторіи и библіотеку съ собраніемъ старинныхъ рукописей, Ихъ Высочества посѣтили военный госпиталь. Вечеромъ того же дня былъ въ Дворянскомъ Собраніи балъ данный казанскимъ дворянствомъ въ честь Ихъ Высочествъ. Во всемъ городѣ, и особливо по дорогѣ отъ кремля до Дворянскаго Собранія, была устроена великолѣпная иллюминація, поистинѣ поражавшая взглядъ своимъ волшебнымъ видомъ: рѣдко удается видѣть иллюминацію подобную той какая была въ этотъ вечеръ въ Казани. Особенно поразительна была картина Чернаго озера освѣщеннаго разноцвѣтными огнями; на высотахъ красовались огненными линіями главнѣйшія изъ публичныхъ зданій и церквей. По улицамъ трудно было двигаться отъ множества людей и экипажей. При подъѣздѣ Ихъ Высочествъ къ дому Собранія, площадь ярко

освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями, и вся громадная толпа, наполнявшая площадь, грянула громовымъ, оглушительнымъ *ура*. Толпа не двигалась съ площади все время пока оставались на балу Высокіе Гости, нѣсколько разъ выходившіе на балконъ, а съ балкона удивительно и весело было смотрѣть на цѣлое море головъ мгновенно оживлявшееся при появленіи Ихъ Высочествъ восторженными движеніями и криками. Балъ былъ очень оживленъ и устроенъ великолѣпно: обширныя залы Собранія были изящно убраны гирляндами изъ цвѣтовъ и свѣжей зелени. Въ первомъ часу ночи Ихъ Высочества возвратились домой.

Въ 8 часовъ утра Государь Цесаревичъ съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ поѣхали въ лагерь, расположенный въ Подлужной, гдѣ собраны были нѣкоторыя части войскъ Казанскаго военнаго округа съ его артиллеріей. Войска были въ восторгѣ, увидя среди себя Цесаревича съ Цесаревной, и дружное, стройное, неумолкаемое *ура* сопровождало Цесаревича объѣзжавшаго ряды войскъ. Солдатскія палатки были въ разныхъ мѣстахъ убраны цвѣтами и зеленью. Надъ этимъ укра-

шеніемъ работали солдатики чтобы праздникъ былъ въ праздникъ, и чтобы показать самой Цесаревнѣ какъ горячо солдатское сердце жаждало Ее встрѣтить. Послѣ ученія со стрѣльбой войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Цесаревича и Цесаревны. Для огражденія Ея Императорскаго Высочества отъ палящихъ лучей солнца была устроена прекрасная палатка.

Изъ лагеря Ихъ Императорскія Высочества поѣхали въ Казанскую школу для дѣтей крещеныхъ Татаръ, одно изъ тѣхъ скромныхъ и къ сожалѣнію еще мало извѣстныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ исключительно энергіи и глубокому убѣжденію въ пользѣ начатаго дѣла нѣсколькихъ частныхъ людей. Значеніе этой школы такъ велико въ здѣшнемъ краѣ что мы позволяемъ себѣ остановиться на ней нѣсколько долѣе и подѣлиться съ читателями тѣми интересными подробностями которыя мы собрали здѣсь о началѣ и настоящемъ ея состояніи. Открытая коляска, въ которой сидѣлъ Цесаревичъ съ Цесаревной и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, подъѣхала не къ великолѣпному зданію съ паркетными полами съ цѣлымъ ле-

ціономъ чиновниковъ и служителей, но къ скромному домику, бѣдному и по обстановкѣ, и по одеждѣ дѣтей. Маленькій дворъ былъ заставленъ телѣгами и лошадьми, на которыхъ пріѣхали бѣдные крестьяне, крещеные Татары, повидаться съ дѣтьми и понабраться совѣта отъ общаго учителя своего Василія Тимоѳеева.

Кто же этотъ Тимоѳеевъ, спросятъ наши читатели, и какое значеніе имѣетъ это училище, удостоившееся вниманія и участія, оказаннаго ему Ихъ Высочествами?

Припомнимъ что въ Казанской губерніи на четыреста слишкомъ тысячъ Татаръ-магометанъ обоего пола находится около 40.000 крещеныхъ Татаръ обоего пола, принадлежащихъ почти исключительно къ бѣдному сельскому населенію. Крестившись въ разное время, они раздѣляются на старо- и новокрещеныхъ, рѣзко между собой отличающихся. Первые живутъ обыкновенно особыми селеніями, иногда вмѣстѣ съ Русскими; новокрещеные же живутъ въ однѣхъ деревняхъ съ магометанами и сравнительно въ меньшинствѣ съ ними, вслѣдствіе чего они находятся подъ значительнымъ вліяніемъ магометанъ.

Но къ сожалѣнію, и обрусѣлые изъ старокрещеныхъ Татаръ не имѣютъ почти никакого понятія о христіанствѣ, кромѣ нѣкоторыхъ сторонъ обрядности. Живя среди магометанскаго религіозно-граматнаго населенія, при численномъ перевѣсѣ послѣдняго, состоя съ нимъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, крещеные Татары оставались безотвѣтны предъ магометанскими возраженіями и весьма податливы магометанскому вліянію. Магометанство не только проникло въ среду новокрещеныхъ Татаръ, но стало проникать и въ мѣстности Татаръ старокрещеныхъ, и лучшимъ тому доказательствомъ служатъ многократныя и многолюдныя отпаденія крещеныхъ Татаръ въ магометанство, противъ которыхъ административныя мѣры не имѣли никакого вліянія. Все болѣе и болѣе пробуждалось убѣжденіе что для утвержденія крещеныхъ Татаръ въ христіанствѣ необходимы не административныя мѣры, а христіанское образованіе, и Казанская школа учредилась именно съ этою цѣлью, а главными двигателями были профессоръ Казанской духовной академіи Ильминскій и государственный крестьянинъ изъ старокрещеныхъ Татаръ, Василій Тимоѳеевъ.

Сей послѣдній учился грамотѣ въ русскомъ училищѣ своего приходскаго села, воспиталъ въ себѣ усердіе къ православной вѣрѣ, и въ сентябрѣ 1863 года поступилъ въ Казанскую Духовную Академію для практическаго упражненія студентовъ въ татарскомъ языкѣ. Въ этомъ году одинъ изъ его односельчанъ привезъ къ нему своего сына учиться грамотѣ; за нимъ привезли еще двухъ, и эти три мальчика составили зерно Казанской школы. Когда лѣтомъ 1864 году они съ учителемъ вернулись домой, то успѣхи ихъ и примѣръ вызвали такое рвеніе въ его односельчанахъ, что на домъ къ Василію Тимоѳееву стали ходить учиться грамотѣ. Онъ самъ ѣздилъ по ближайшимъ деревнямъ, и своими бесѣдами о христіанской вѣрѣ и грамотности старался расположить старокрещеныхъ Татаръ отдавать къ нему въ ученье своихъ дѣтей.

Получивъ отъ Василія Тимоѳеева свѣдѣнія о такихъ успѣхахъ его пропаганды, профессоръ Ильминскій исходатайствовалъ, въ августѣ 1864 года, у начальства Казанскаго учебнаго округа дозволеніе открыть въ Казани частную школу для дѣтей крещеныхъ Татаръ, съ тѣмъ чтобъ учителемъ въ ней

былъ Василій Тимоѳеевъ. Число учащихся стало съ каждымъ годомъ увеличиваться, такъ что помѣщеніе оказывается уже недостаточнымъ. Въ Казанской школѣ живутъ всѣ учащіеся, потому что пріѣзжаютъ нерѣдко верстъ за 150. За помѣщеніе они не платятъ, но должны имѣть одежду и сырые продукты для пищи. Сироты и бѣдные содержатся отъ школы. Школа съ самаго начала содержалась на частныя средства, но очевидная польза и значеніе ея въ здѣшнемъ краѣ не могли не обратить на себя вниманія правительства. Святѣйшій синодъ и министерство государственныхъ имуществъ даютъ ей—первый 1.500 р., а второе—200 р. Въ числѣ благотворителей своихъ она считаетъ Ихъ Императорскія Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича и принца Петра Ольденбургскаго. Пожертвованія идутъ изъ разныхъ концовъ Россіи, начиная отъ Кіева и до Забайкалья. Казанское градское общество дало подъ школу на выгонной городской землѣ 700 кв. саженъ, а купецъ Степанъ Арефьевъ построилъ на этомъ мѣстѣ на свой счетъ теперешній школьный домъ со всѣми принадлежностями и службами.

Казанское братство святителя Гурія, поставившее одною изъ своихъ главныхъ задачъ христіанское просвѣщеніе инородцевъ, естественно обратило свое попечительное вниманіе на Казанскую школу. Оно даетъ ей 500 руб. ежегодно на содержаніе бѣдныхъ учениковъ, и на счетъ его же содержатся всѣ *школы-отрасли*, которыя возникли въ разныхъ селахъ благодаря иниціативѣ и замѣчательному практическому такту почтеннаго дѣятеля школы, Василія Тимоѳеева. Еще въ 1866 году построилъ онъ на деньги здѣшней школы одну маленькую въ своей деревнѣ, гдѣ стала обучать его ученица Ѳедора Гаврилова, а другую побольше въ другой деревнѣ, гдѣ учили два мальчика, ученики Тимоѳеева. Въ прошломъ учебномъ году казанскіе воспитанники обучали въ 15-ти селеніяхъ губерній Казанской, Вятской и Уфимской, а теперь предполагается открыть еще нѣсколько школъ въ виду настоятельной потребности противодѣйствовать разливу магометанства, дабы школы эти стали сторожевыми пунктами среди населенія положительно зараженнаго магометанствомъ. Нужно жить въ здѣшнемъ краѣ чтобы дѣйствительно по-

нять все великое значеніе сихъ школъ и настоятельную необходимость противодѣйствовать исламу, ведущему сильную пропаганду среди инородцевъ заволжскихъ и зауральскихъ губерній. Магометане сильны своимъ численнымъ перевѣсомъ, своими богачами, учеными муллами; Татары же крещеные—бѣдные сельскіе жители, о которыхъ никто не знаетъ. Нельзя себѣ представить того восторга воспитанниковъ школы когда ее посѣтилъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Они стали писать къ своимъ роднымъ что въ школѣ былъ *Патша Улы* (Царскій Сынъ), и бѣдные, забытые, крещенные Татары долго не хотѣли вѣрить чтобъ это была правда. Лучшимъ доказательствомъ того замѣчательно практическаго такта съ которымъ принялись за дѣло почтенные гг. Ильминскій и Тимоѳеевъ служитъ то что они обратились къ женской половинѣ татарскаго населенія. Женщина всегда и вездѣ была и будетъ хранительницей домашняго очага, семейныхъ, племенныхъ преданій и вѣрованій. Подорванное магометанствомъ значеніе женщины вслѣдствіе многоженства не коснулось сельскаго быта. Женщина осталась средоточіемъ семьи, и

по врожденной женщинѣ религіозности, Татарки подвергшіяся вліянію магометанства явились самыми ревностными распространительницами ислама. Этому-то и слѣдовало противодѣйствовать. Когда первая ученица Тимоѳеева пріѣхала домой, она стала читать нравоучительныя страницы изъ букваря и премудрости Сираха и пѣла христіанскія молитвы. Матери и сестрамъ нравилось это. Мало-по-малу составился около нея кружокъ подругъ, которыя съ голосу переняли отъ нея пѣніе и стали лѣтомъ пѣть молитвы на улицѣ своей деревни. Когда онѣ запоютъ много народу соберется около нихъ; женщины подоятъ коровъ и идутъ къ нимъ, и всѣ, особенно женщины, внимательно слушаютъ. Это дало мысль Тимоѳееву построить Ѳедорѣ келью на дворѣ ея отца, дабы она обучала дѣтей и преимущественно дѣвушекъ да малолѣтнихъ мальчиковъ. Недавно былъ еще одинъ замѣчательный фактъ: одна крещеная Татарка, очень набожная, но прежде вѣровавшая въ магометанство, пріѣхала въ казанскую школу и зашла въ дѣвичье отдѣленіе. Дѣвицы пѣли ей молитвы такъ стройно что она сидѣла

долго въ раздумьи, склонивъ голову, а слезы ручьемъ текли по ея щекамъ.

Не будемъ вдаваться въ подробности устройства школы и способовъ преподаванія. Онѣ не разъ уже были сообщаемы печатно и успѣли уже обратить на себя знимание публики, все болѣе и болѣе сознающей что пора пришла взяться энергически и разумно за дѣло христіанскаго просвѣщенія бѣдныхъ заброшенныхъ инородцевъ, жаждущихъ истины.

Одно еще можно прибавить: великія заслуги гг. Ильминскаго и Тимоѳеева состоятъ главнымъ образомъ въ томъ что они обращались, по *прототипу* нашего миссіонерства въ здѣшнемъ краѣ, къ способу дѣятельности Св. Стефана велико-пермскаго, который первый устроилъ полное богослуженіе на зырянскомъ языкѣ для новопросвѣщенныхъ Зырянъ. Его священники служили обѣдню, заутреню, вечерню на пермскомъ языкѣ; его канонархи возглашали каноны по пермскимъ книгамъ, чтецы читали пермскою бесѣдой, а пѣвцы всякое пѣніе совершали попермски. Цесаревичъ съ Цесаревной и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ пріѣхали въ школу го-

раздо ранѣе чѣмъ ихъ ожидали. Профессора Ильминскаго не было, и показывалъ Ихъ Высочествамъ школу Василій Тимоѳеевъ. Народу собралось бездна и радость была на лицахъ родителей и сродниковъ, пріѣхавшихъ издалека, о томъ что скромное начинаніе нашло себѣ столь высокихъ покровителей. По выбору Цесаревича и Цесаревны вызывали дѣтей, которые имъ читали по-русски и объясняли бойко прочитанное. Въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ пропѣли ученики и ученицы стройно и согласно молитвы и многая лѣта, а затѣмъ почтенный Василій Тимоѳеевъ объяснялъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ свою методу и разказывалъ поучительные эпизоды своей многотрудной и столь благой по послѣдствіямъ миссіонерской дѣятельности. Цесаревичъ и Цесаревна изъявили желаніе содѣйствовать скромному дѣлу и въ тотъ же день увѣдомили попечителя округа что желаютъ содержать на свой счетъ 20 пансіонеровъ.

Изъ школы Ихъ Высочества поѣхали осмотрѣть только что отстроенный Казанскій Окружный Домъ Умалишенныхъ. Въ виду неудовлетворительнаго состоянія отдѣленій для помѣшанныхъ

при губернскихъ больницахъ гражданскаго вѣдомства состоялся еще въ сороковыхъ годахъ въ медицинскомъ совѣтѣ проектъ устроить въ нашемъ отечествѣ семь или восемь окружныхъ домовъ умалишенныхъ. Для постройки перваго изъ нихъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выбранъ былъ городъ Казань; но дѣло постройки Казанскаго Окружнаго Дома Умалишенныхъ шло весьма медленно до вступленія въ должность директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана, который двинулъ это дѣло впередъ. На Окружный Домъ ассигновано было 200.000, но израсходовано 450.000 рублей. Казанскій Окружный Домъ Умалишенныхъ построенъ въ трехъ верстахъ отъ центра города, на обширной, нѣсколько возвышенной мѣстности, не далеко отъ рѣки Казанки. Онъ состоитъ изъ трехъ больничныхъ корпусовъ, непосредственно соединенныхъ между собой и нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданій. Собственно больничные двухъ-этажные корпуса расположены параллельно другъ другу по прямой линіи, соединяются между собой по поперечной и переходятъ въ одно-этажныя пристройки. Между этими корпусами находится

средній трехъ-этажный административный корпусъ, а затѣмъ уже слѣдуютъ хозяйственныя строенія. За зданіями находятся обширные дворы и сады.

Главный характеръ расположенія и внутренняго устройства помѣщеній заключается именно въ томъ что съ одной стороны приняты въ соображеніе различіе сословій и образованія больныхъ, съ другой общія формы душевнаго разстройства. Въ зданіи такимъ образомъ нѣсколько отдѣленій, но всѣ они хотя и сообщаются одно съ другимъ посредствомъ широкихъ и свѣтлыхъ корридоровъ, но такъ расположены чтобы не допускать произвольнаго смѣшенія больныхъ. Мало того, каждое отдѣленіе устроено такъ что все необходимое какъ для больныхъ, такъ и для правильнаго хода службы, находится въ самомъ отдѣленіи, и для удовлетворенія какой-нибудь потребности, ни больному, ни служителю не приходится оставлять свое отдѣленіе. Поэтому при каждомъ отдѣленіи, сообразно числу больныхъ, кромѣ дневныхъ и ночныхъ помѣщеній, общихъ и одиночныхъ, имѣются особыя столовыя, буфетныя, гардеробныя, служительскія комнаты и т. д. Для занятія и развлеченія боль-

ныхъ служатъ столярный верстакъ, токарный станокъ, билліардъ, рояль, шахматы, шашки, карты, книги и журналы.

Мебель во всѣхъ помѣщеніяхъ почти исключительно дубоваго дерева; въ отдѣленіяхъ больныхъ перваго класса отчасти мягкая, обитая на мужской половинѣ кожей, на женской пеньковымъ тикомъ. Кровати желѣзныя. Во всемъ заведеніи у всѣхъ оконъ шторы, а въ отдѣленіяхъ перваго класса кромѣ шторъ красныя занавѣси. Въ виду большей безопасности больныхъ, къ окнамъ придѣланы желѣзныя рѣшетки, приставленныя такимъ образомъ что совершенно прикрываются оконными рѣшетками.

Мы не можемъ войти во всѣ подробности этого замѣчательнаго сооруженія. Это заняло бы слишкомъ много мѣста, и желали бы чтобы подробное описаніе Казанскаго Окружнаго Дома, сосоставленное г. Фризе, которому оно ввѣрено и которому суждено быть первымъ предсѣдателемъ благаго начинанія, положеннаго попечительнымъ правительствомъ, помѣщено было хотя бы въ подробномъ извлеченіи во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Цесаревичъ съ Цесаревной осматривали

зданіе во всѣхъ его подробностяхъ. Дай Богъ чтобъ и администрація и само общество умѣли воспользоваться учрежденіемъ на которое правительство ассигновало столь громадныя средства. Сопутствуемые толпами народа и громкимъ неумолкаемымъ *ура*, Цесаревичъ и Цесаревна поѣхали въ Александровскій пріютъ и оттуда возвратились во дворецъ.

Послѣ обѣда, Ихъ Высочества, уже на пути къ отъѣзду, посѣтили высокопреосвященнаго Антонія: обширный дворъ архіерейскаго дома наполнился народомъ, повсюду выжидавшимъ случая взглянуть еще разъ на Августѣйшую Чету. На этотъ вечеръ городскимъ купеческимъ и мѣщанскимъ обществомъ устроенъ былъ въ честь Ихъ Высочествъ праздникъ съ народнымъ гуляньемъ въ загородномъ саду называемомъ *Швейцарія*. На Арскомъ Полѣ, по дорогѣ къ саду и въ самомъ саду волновалось уже цѣлое море народа. Иные съ утра ожидали здѣсь прибытія Ихъ Высочествъ, заранѣе занявъ удобное мѣсто. Для Гостей устроенъ былъ просторный павильйонъ въ которомъ встрѣчали Ихъ и угощали почетнѣйшіе представители мѣстнаго купечества

съ своими семействами. Предъ павильйономъ обширный лугъ весь покрытъ былъ густою толпой народной: высокія деревья до самаго верху покрыты были зрителями которые успѣли угнѣздиться на сучьяхъ несмотря на всѣ предостереженія и увѣщанія полиціи. Посреди толпы съ великимъ трудомъ умѣстился хороводъ, и хоровыя пѣсни, мѣшаясь съ музыкой и съ безпрерывно-гремѣвшимъ *ура*, составили истинно-праздничную народную гармонію. Хозяева не знали чѣмъ и какъ почтить Высокихъ Посѣтителей: но, конечно, лучшимъ для нихъ угощеніемъ была непритворная, свободная, восторженная радость, съ которою тысяча глазъ смотрѣли на Нихъ и Ими любовались, тысячи сердецъ посылали Имъ на встрѣчу желанія, надежды и клики неизмѣнно любящей, неизмѣнно вѣрящей и преданной русской души. Пробывъ на праздникѣ около часу, Ихъ Высочества возвратились на пристань великолѣпно освѣщенную разноцвѣтными огнями. Уже въ 11 часу вечера пароходъ снялся съ якоря.

20-го числа, въ воскресенье, въ 10 часу утра, показался Симбирскъ. Прямо изъ собора Ихъ Высочества прибыли

въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ было приготовлено для Нихъ временное помѣщеніе. Городъ Симбирскъ и въ особенности этотъ домъ пробудили много отрадныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, грустныхъ воспоминаній въ тѣхъ кто имѣлъ счастіе сопровождать покойнаго Наслѣдника Цесаревича въ 1863 году на пути въ этотъ городъ, такъ безжалостно опустошенный послѣ того злостнымъ пожаромъ. Симбирскъ оставилъ тогда царственному юношѣ много пріятнѣйшихъ воспоминаній, и невозможно забыть то одушевленіе которое выказалось тогда предъ лицомъ его въ этомъ старомъ гнѣздѣ русскаго дворянства. Со времени пожара домъ Дворянскаго Собранія возобновленъ въ томъ же видѣ какъ былъ прежде, и теперь въ той же залѣ, гдѣ данъ былъ дворянствомъ въ 1863 году памятный балъ, собрались къ столу Ихъ Высочествъ приглашенные гости, изъ числа коихъ многіе были участниками тогдашняго торжества. Послѣ обѣда Ихъ Высочества, осмотрѣвъ возстановленную подъ особымъ Ихъ покровительствомъ Карамзинскую библіотеку и посѣтивъ гимназію, изволили поѣхать за городъ въ дѣтскій пріютъ, устроенный симбир-

скимъ обществомъ христіанскаго милосердія на мѣстѣ прежняго удѣльнаго училища крестьянскихъ дѣвочекъ. Въ лежавшей по пути деревнѣ собраны были и разставлены рядами по обѣ стороны крестьяне и крестьянки чувашскихъ и мордовскихъ селеній, въ своихъ оригинальныхъ и красивыхъ уборахъ. Дѣтскій пріютъ, устроенный преимущественно для призрѣнія и воспитанія бѣдныхъ дѣвочекъ, послѣ большаго симбирскаго пожара, обратилъ на себя особенное вниманіе Ихъ Высочествъ простотою и уютностію внѣшняго своего вида. Онъ помѣщается въ небольшомъ деревянномъ одно-этажномъ домѣ, посреди сельской обстановки.

Прямо изъ пріюта Ихъ Высочества отправились на пароходъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Самару.

22-го іюля, во вторникъ, въ день тезоименитства Государыни Императрицы и Государыни Цесаревны, въ 10 часовъ утра, Ихъ Высочества прибыли въ Самару и были встрѣчены въ соборѣ преосвященнымъ епископомъ Герасимомъ. По окончаніи литургіи и молебна Ихъ Высочества поѣхали въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ было приготовлено для нихъ помѣщеніе.

Тѣмъ же утромъ, послѣ завтрака, происходилъ смотръ войскамъ расположеннымъ въ Самарѣ, а на возвратномъ пути въ городъ изъ лагеря Ихъ Высочества изволили осматривать киргизскую кибитку расположенную въ полѣ нарочно для того чтобы представить наглядно помѣщенья кочующихъ Киргизовъ и принадлежности ихъ быта.

Послѣ парадпаго обѣда, за которымъ Великій Князь Цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здравіе Августѣйшихъ Именинницъ, Ихъ Высочества посѣтили дѣтскій пріютъ, основанный самарскимъ городскимъ обществомъ въ память посѣщенія Самары покойнымъ Цесаревичемъ въ 1863 году, и отсюда поѣхали на народное гулянье устроенное городомъ въ честь Высокихъ Гостей, въ Струковскомъ саду. Въ павильйонѣ убранномъ для принятія Ихъ Высочествъ собрались приглашенные на праздникъ гости—все самарское общество, а въ саду и на улицѣ у входа несмѣтное множество народа ожидало случая взглянуть ва Цесаревича и Цесаревну и привѣтствовать Ихъ на прощаньи съ Самарой. Напротивъ входа въ садъ и предъ галлерей у павильйона, по ту сторону улицы, вы-

строено было вызвышеніе, на которомъ стояли рядами чувашскіе, мордовскіе и малороссійскіе крестьяне и крестьянки въ нарядныхъ уборахъ и пѣли хоромъ пѣсни. Ихъ Высочествамъ угодно было ближе подозвать къ себѣ крестьянъ чтобы полюбоваться ихъ нарядомъ и послушать пѣніе которое сливалось съ прорывавшимся изъ толпы народной громогласнымъ *ура*. Въ одиннадцатомъ часу вечера Ихъ Высочества возвратились на пароходъ, который немедленно снялся съ якоря.

На слѣдующій день, 23-го числа, во время плаванія, въ трехъ городахъ лежавшихъ по пути—въ Сызрани, въ Хвалынскѣ и въ Вольскѣ приготовлены были торжественныя встрѣчи. Много, поистинѣ, трогательнаго въ этихъ встрѣчахъ по пути, и трудно русской душѣ удержаться отъ волненія и восторга, когда видишь предъ собою пристань убранную коврами и флагами, и берегъ покрытый пестрою, густо собравшеюся толпой. Люди стоятъ на холмистомъ берегу за пристанью, на судахъ, въ самой водѣ: и все это махаетъ платками, бросаетъ шапками, гармоническій звонъ колоколовъ несется изъ города, съ берега раздается

тысячегласное *ура*. Подходишь ближе—можно различить лица сіяющія радостною улыбкой, взгляды внезапно загорѣвшіеся восторгомъ, тамъ и сямъ блестятъ въ глазахъ слезы, слышатся отрывистыя восклицанія прямо отъ сердца, личные, особенные привѣты Цесаревичу и Цесаревнѣ. Вотъ, поистинѣ, живая любовь, которая никогда не отпадаетъ, всему вѣру емлетъ, не радуется о неправдѣ, а радуется о истинѣ: и чье сердце не отзовется на эту могучую, вѣрную и вѣрующую любовь народную! Подходишь ближе—Цесаревичъ и Цесаревна выходятъ впередъ на палубу: какимъ могучимъ аккордомъ, какимъ страстнымъ порывомъ разразился хоръ народный! Останавливаютъ, причаливаютъ, кладутъ сходню—на минуту водворилось молчаніе, и потомъ опять взрывъ восклицаній. За пристанью устроена городскимъ обществомъ бесѣдка убранная коврами, цвѣтами и зеленью, поставлены столы для угощенія. Какъ счастливы эти люди, что Цесаревичъ и Цесаревна вошли, присѣли, остались хоть на 10 минутъ, дали угостить Себя, дали еще взглянуть на Себя. Цесаревна садится у стола. Къ Ней подходятъ простые люди и го-

ворятъ Ей какъ любятъ Ее, говорятъ со слезами, и иной смѣльчакъ-старичокъ проситъ ручку, и добрая Цесаревна не отказываетъ, Она улыбается добрымъ людямъ доброю улыбкой, Она заговариваетъ съ ними и дѣтей ихъ ласкаетъ. На пароходъ снесли уже хлѣбъ-соль на блюдѣ и громадную „рыбку" отъ города, но и простые люди спѣшатъ со своими дарами: одинъ несетъ соты въ простой деревянной чашкѣ, другой полотенце, третій пѣтуха держитъ въ рукахъ. Это дары простой любви, которая чувствуетъ потребность чѣмъ-нибудь заявить себя. Она не спрашиваетъ зачѣмъ и для чего, и тѣмъ она трогательнѣе что дарители ничего не просятъ, никто не знаетъ и не спрашиваетъ ихъ имени, но они останутся тѣмъ только счастливы что дары ихъ приняты.

На слѣдующее утро Саратовъ разостлался на берегу живописною перспективой. Народу было видимо-невидимо, жаръ невыносимый, пыль столбомъ. Ихъ Высочества, заѣхавъ въ соборъ, остановились близъ пристани, въ домѣ коллежскаго совѣтника Кокуева, куда немедленно собрались для представленія всѣ почетныя лица и представители сосло-

вій. Отъ многихъ городскихъ и сельскихъ обществъ поднесена была хлѣбъ-соль на серебряныхъ и рѣзныхъ деревянныхъ блюдахъ. Саратовское городское общество, желая ознаменовать день посѣщенія города Государемъ Наслѣдникомъ и Государынею Цесаревною, ассигновало 20.000 руб. на воспитаніе въ саратовскихъ учебныхъ заведеніяхъ обоего пола дѣтей изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, съ наименованіемъ мальчиковъ стипендіатами Его Высочества, а дѣвочекъ—стипендіатками Государыни Цесаревны.

Къ обѣду Ихъ Высочествъ приглашены были почетные гости изъ городскихъ властей и городскаго общества. Лишь только встали изъ-за стола, въ саду послышалось стройное пѣніе *Боже Царя храни* и датскаго гимна. То былъ хоръ учрежденнаго недавно въ Саратовѣ пѣвческаго союза при братствѣ Св. Креста. Этотъ союзъ и это братство стóятъ того чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ. Братство Св. Креста образовалось здѣсь въ 1866 году по мысли и благословенію нынѣшняго преосвященнаго епископа Іоанникія. Главною цѣлію его поставлено противодѣйствіе расколу которымъ осо-

бенно страждетъ населеніе Саратовской губерніи. Расколъ не только держится, но и распространяется въ невѣжественной средѣ и положить предѣлъ этому распространенію можно только просвѣщеніемъ той среды въ которой развивается расколъ и умноженіемъ средствъ къ удовлетворенію правымъ путемъ той религіозной потребности которая въ расколѣ находитъ себѣ пути неправильные. Братство изыскиваетъ всѣ возможныя средства для осуществленія своей цѣли. Оно завело у себя библіотеку и книжный складъ для доставленія способовъ желающимъ къ изученію раскола и для снабженія существующихъ церковныхъ училищъ учебными пособіями, заботится объ учрежденіи новыхъ училищъ, издаетъ брошюры о расколѣ для распространенія въ народѣ. Съ разрѣшенія святѣйшаго синода Братство открыло прежде всего въ Саратовѣ, потомъ въ Хвалынскѣ и въ Кузнецкѣ публичныя собесѣдованія съ раскольниками о правой вѣрѣ. Въ Саратовѣ бесѣды эти происходятъ каждое воскресенье, по вечерамъ, при братской церкви и ведутся преимущественно священникомъ Груздевымъ. Оканчиваясь часу въ девятомъ вечера,

онѣ послѣ того иногда продолжаются до самой ночи въ отдѣльныхъ кружкахъ. Главнымъ предметомъ бесѣдъ былъ до сихъ поръ вопросъ объ австрійскомъ священствѣ, имѣющій особливую важность для саратовскаго раскола. Бесѣды эти какъ въ Саратовѣ, такъ и въ другихъ городахъ происходятъ, какъ слышно, съ замѣтнымъ успѣхомъ и начинаютъ уже приносить плодъ. Первымъ послѣдствіемъ ихъ было открытое сближеніе раскольниковъ съ православными и ослабленіе взаимнаго недовѣрія. На эти бесѣды собирается множество и православныхъ, которые пріучаются на нихъ къ искусству вести борьбу съ раскольниками, и въ частныхъ переговорахъ на пути и дома. Въ Хвалынскъ, прошлымъ Великимъ Постомъ, пріѣзжалъ, между прочими, для пренія отъ казанскаго лжеепископа Пафнутія уставщикъ и ученикъ Павла Прусскаго, Ползуновъ; а вслѣдствіе бесѣды одинъ изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ раскольниковъ обратился къ православію. Другое важное учрежденіе Братства — училище для приготовленія сельскихъ наставницъ. Извѣстно что въ расколѣ всего дѣятельнѣе — женщины, и потому справедливо заду-

мано посредствомъ женщинъ же вести борьбу православнаго образованія съ раскольничьимъ посреди сельскаго люда. Училище въ Саратовѣ уже открыто, на первый разъ однокурсное, на шесть кандидатокъ; въ число ихъ поступаютъ вдовы и дѣвицы — изъ духовнаго званія и частію изъ крестьянства. Съ окончаніемъ курса учительницы будутъ опредѣляемы или въ существующія уже сельскія училища, или откроютъ новыя: въ послѣднемъ случаѣ Братство назначаетъ каждой на первый разъ 3 р. въ мѣсяцъ пособія, а въ послѣдствіи по 2 руб. за каждое обученное дитя. При Братствѣ учреждены еще благотворительный союзъ, для пособія бѣднымъ и противодѣйствія нищенству, и пѣвческій союзъ, съ цѣлію содѣйствовать благолѣпію церковной службы чрезъ введеніе въ нее стройнаго пѣнія древними напѣвами и вообще распространять въ обществѣ охоту къ стройному пѣнію. Итакъ Братство Св. Креста поставило себѣ задачей важнѣйшее для Россіи дѣло духовнаго просвѣщенія; дѣятельность его успѣла заявить себя добрыми плодами, и было бы желательно чтобы средства его, нынѣ еще весьма скудныя, умножи-

лись сочувствіемъ и участіемъ добрыхъ людей изъ всей земли русской. На первый разъ заботится оно не столько объ умноженіи матеріальныхъ средствъ, сколько объ умноженіи ревностныхъ и искусныхъ дѣятелей. Ихъ Императорскія Высочества благоволили выразить Свое сочувствіе Братству и добрымъ словомъ, и денежнымъ приношеніемъ.

Послѣ обѣда Ихъ Высочества изволили посѣтить городскую больницу и женскій институтъ; затѣмъ, по желанію и просьбѣ городскаго общества, присутствовали при спектаклѣ въ городскомъ театрѣ, гдѣ многимъ представилась возможность поближе и подольше посмотрѣть на Государя Наслѣдника и Государыню Цесаревну. Въ 11 часу вечера начался балъ, данный саратовскимъ дворянствомъ, съ участіемъ купечества, въ честь Ихъ Высочествъ. Домъ Дворянскаго Собранія былъ обставленъ великолѣпною иллюминаціей; когда подъѣхалъ экипажъ Цесаревича, вся улица освѣтилась электрическимъ свѣтомъ, и Высокіе Гости были встрѣчены у подъѣзда дворянами при звукахъ народнаго гимна. Въ роскошно убранной залѣ открылись оживленные

танцы и продолжались съ участіемъ Ихъ Высочествъ до 1 часу ночи.

Въ пятницу, 25-го числа, рано утромъ Ихъ Высочества изволили присутствовать на военномъ парадѣ, и на возвратномъ пути посѣтили тюремный за́мокъ; а послѣ завтрака оставили Саратовъ посреди восторженныхъ криковъ народа собравшагося на проводы. Но едва пароходъ успѣлъ пройти нѣсколько верстъ, какъ открылась на берегу другая, живописная картина, начались другіе оживленные проводы. Проѣзжали мимо лагеря, по берегу разставлены были въ линію полки въ лагерной формѣ, раздались звуки военной музыки, и на живописныхъ высотахъ за лагеремъ поднялись облака дыму и забѣгали огни пушечныхъ выстрѣловъ. Въ Саратовѣ всѣ любовались войскомъ: мужественный, здоровый, веселый видъ солдатъ, отличавшихся ростомъ и молодецкою выправкой, всѣхъ приводилъ въ восхищеніе. Любо было смотрѣть какъ эти молодцы, махая шапками по кавказскому обычаю, провожали съ громогласнымъ, стройнымъ *ура* Царскаго Сына и Наслѣдника, какъ потомъ разсыпавшись бѣжали они по берегу вслѣдъ за пароходомъ; любо было слушать эту

гармонію звуковъ военнаго хора, *ура* съ музыкой и пушечными выстрѣлами,—гармонію отъ которой весело становится русскому сердцу привыкшему сливать народную радость съ побѣдными криками войска.

26-го іюля вечеромъ пароходъ *Счастливый* сталъ на якорѣ у Царицынской пристани, и плаваніе Ихъ Высочествъ по Волгѣ окончилось. Въ тотъ же вечеръ Ихъ Высочества изволили принимать на пароходѣ представителей городскаго управленія и купечества и депутацію отъ Сарепты. Пристань и сосѣднія съ нею станціи желѣзной дороги были красиво убраны коврами и зеленью и освѣщены огнями, а въ городѣ зажглась прекрасная, со вкусомъ устроенная иллюминація.

На слѣдующее утро, отслушавъ обѣдню въ Царицынскомъ соборѣ, Ихъ Высочества изволили сѣсть на особый поѣздъ Волжско-Донской желѣзной дороги и черезъ два часа прибыли въ Калачевскую станицу, гдѣ были встрѣчены наказнымъ атаманомъ Чертковымъ съ торжественными звуками народнаго гимна и съ громогласнымъ *ура* собравшагося во множествѣ населенія. На станціи стояли въ строю казаки Ата-

манскаго полка въ красныхъ мундирахъ; каждый изъ нихъ былъ молодецъ и красавецъ. Съ этой минуты и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ появился въ казацкой формѣ, которой не снималъ уже во все время путешествія по Дону.

У пристани стояли готовые къ отплытію два парохода: одинъ — *Сотникъ*, на которомъ помѣщались Ихъ Высочества со свитой и съ сопровождавшими по Дону генералъ-лейтенантомъ Чертковымъ, генералъ-маіоромъ Рени и полковникомъ Марковымъ; на другомъ пароходѣ *Цымла* находился, кромѣ прислуги, хоръ музыкантовъ Атаманскаго полка. И вотъ, началось плаваніе по тихому Дону, торжественное плаваніе, безпрестанно оживляемое встрѣчами у станичныхъ пристаней и постояннымъ, живописнымъ движеніемъ по берегамъ, ибо отъ станицы до станицы провожали пароходъ разсыпною массой конные казаки, джигитуя по берегу. Эта молодецкая скачка казаковъ въ перегонку съ пароходомъ продолжалась въ теченіе всего плаванія, и весело было смотрѣть какъ они мчались черезъ рвы, кусты и овраги, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, стоя, сидя и

лежа, стрѣляли, боролись, падали и опять вмигъ поднявшись, пускались снова съ криками и выстрѣлами. У каждой станицы готова была встрѣча. Каждая пристань пестрѣла толпою покрывавшею мостки и берегъ въ правильномъ порядкѣ. Съ одной стороны мущины-казаки, съ другой женщины съ дѣтьми; иногда изъ дѣтей составлялось особливое собраніе. Пристань убиралась коврами, цвѣтами и зеленью, а по обѣ стороны разставлялись красивыми группами доморощенныя травы и фрукты — хлѣбные снопы, арбузы, дыни, тыквы, кукуруза, виноградъ. Строевые казаки стояли съ своими знаменами и хоругвями. Пароходъ приставалъ въ тишинѣ. Впереди всѣхъ ждалъ на пристани станичный атаманъ съ высокою насѣкой въ рукѣ. Лишь только вступалъ Великій Князь на берегъ, Его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью почтенные сѣдые старики ветераны, украшенные ранами и медалями, старые бойцы доживавшіе свой вѣкъ на покоѣ. Дальше, по мѣрѣ того какъ Ихъ Высочества обходили кругъ около пристани, всякій кто хотѣлъ подносилъ Имъ свои дары, драгоцѣнные простотой любви и усердія, хлѣбные колосья, виноградъ, яблоки,

вино, медъ, арбузы. Двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка — въ каждой станицѣ подавали Цесаревнѣ по букету полевыхъ цвѣтовъ съ краткимъ, твердо заученымъ привѣтствіемъ. По данному знаку раздавалось всенародное *ура*. Высокіе Гости уходили обратно, и пароходъ снова отплывалъ отъ пристани.

Первый ночлегъ былъ на пароходѣ у пристани въ Нижнечирской станицѣ. На слѣдующій день, 28-го числа, къ вечеру открылась живописная станица Цымлянская. Изъ церкви, проѣхавъ по станицѣ, Ихъ Высочества остановились на удачу у одного изъ простыхъ казачьихъ домиковъ. Хозяева, старикъ со старухой, конечно, и не гадали о такомъ счастіи. Гости прошли въ чисто прибранную хату, а изъ хаты въ садикъ: хозяйка, со старческою простотой придерживая Цесаревну за руку, привела подъ яблони къ деревянной скамейкѣ и тутъ же, стряхнувъ деревцо, стала угощать яблоками Высокую Гостью. Потомъ хозяинъ принесъ вина, на столъ поставили три разрозненныя рюмки, и по просьбѣ хозяевъ Ихъ Высочества три раза изволили выпить поднесеннаго Имъ доморощеннаго вина. Старый хозяинъ съ волненіемъ привѣт-

ствовалъ на прощанье Дорогихъ Гостей своихъ простыми словами: „Такого счастья что Вы посѣтили мой садъ и домъ пріобрѣтенный бабушкою моею Варварой Ивановной вѣкъ не забуду съ моими дѣтьми и внуками“. Простые люди надолго остались счастливы, а Ихъ Высочества еще на другой день кушали донское вино доставленное на пароходъ отъ угощавшей ихъ четы.

29-го числа ночлегъ былъ въ Константиновской станицѣ, гдѣ Ихъ Высочества изволили посѣтить больницу; а 30-го поутру пароходъ присталъ къ Семикоракорской станицѣ, гдѣ была приготовлена, вслѣдъ за казацкою встрѣчей, встрѣча отъ Калмыковъ Войска Донскаго. У походнаго хурула устроеннаго въ кибиткѣ стояло все калмыцкое духовенство, въ облаченіи, имѣя впереди себя главнаго бакшу. Ихъ Высочества встрѣчены были дикою музыкой у кибитки и богослуженіемъ внутри ея; потомъ, зайдя въ кибитку бакши, пошли далѣе, въ сопровожденіи огромной толпы казаковъ и Калмыковъ, на степь, гдѣ было собрано нѣсколько владѣльческихъ табуновъ, всего не менѣе 7.000 головъ. Нельзя было не любоваться картиной раски-

нувшеюся предъ Ихъ Высочествами. На ровной гладкой степи не видать было конца конямъ которыхъ объѣзжали со всѣхъ сторонъ наѣздники, съ арканами, то сгоняя, то разгоняя табунъ въ разныхъ направленіяхъ. Смѣлые наѣздники ловили изъ табуна арканомъ дикихъ лошадей, вступали съ ними въ борьбу, сѣдлали ихъ и объѣзжали съ замѣчательною ловкостью. Выѣхали верхомъ четыре Калмычки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, и вышли четыре пѣшія: тѣ и другія держали въ рукахъ по букету полевыхъ цвѣтовъ, которые онѣ подносили Цесаревнѣ: одну изъ лошадей подвели Государынѣ Цесаревнѣ, другую—Цесаревичу, какъ приношеніе отъ всего калмыцкаго общества. Кромѣ лошадей, на степи явились и четыре большіе верблюда, покрытые бѣлыми кошмами. Налюбовавшись вдоволь своеобразными и занимательными картинами и сценами калмыцкой степи, Ихъ Высочества вернулись на пароходъ, въ сопровожденіи восторженной толпы, бросавшей съ берега на палубу цвѣты и фрукты.

Къ вечеру остановились у Старочеркасской станицы. Сквозь громадную

толпу нетерпѣливо тѣснившуюся къ проходу, Ихъ Высочества прошли вверхъ на гору въ старый соборъ, выстроенный при Петрѣ I вмѣсто прежняго служившаго памятникомъ взятію Азова. Этотъ храмъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ соборовъ въ Россіи. Когда входишь въ него въ первый разъ, красота его и величіе поражаютъ: особливо бросается въ глаза зрителя драгоцѣнный пяти-ярусный иконостасъ, весь рѣзной, украшенный драгоцѣнными иконами, съ тремя царскими вратами изъ чистаго серебра. Храмъ и ризница наполнены драгоцѣнностями, изъ коихъ каждая вещь служитъ памятникомъ историческаго событія или составляетъ даръ историческаго лица. Посрединѣ виситъ замѣчательно красивое мѣдное паникадило, вывезенное казаками изъ Азовской церкви при оставленіи Азова. Словомъ сказать, этотъ храмъ выражаетъ собою всю исторію и служитъ первою святыней Донскаго войска. Осмотрѣвъ соборъ, въ сопровожденіи почтеннаго знатока, любителя и открывателя здѣшнихъ древностей, протоіерея Левитскаго, Ихъ Высочества, обозрѣли внѣ храма историческія его принадлежности — цѣпи

Стеньки Разина, громадныя петли азовскихъ воротъ и чугунный памятникъ, поставленный въ память посѣщенія Старочеркасской станицы покойнымъ Цесаревичемъ (подобный памятникъ Ихъ Высочества нашли и въ Романовской станицѣ, гдѣ покойный Цесаревичъ въ 1863 году останавливался смотрѣть калмыцкіе табуны). Отъ собора Ихъ Высочества изволили пройти въ Дѣвичій монастырь и посѣтили кельи игуменьи.

31-го числа, рано утромъ, пароходъ двинулся къ Аксайской станицѣ, гдѣ Ихъ Высочества изволили пересѣсть въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ часъ прибыли на станцію въ Новочеркаскъ. Здѣсь уже все было приготовлено къ торжественному шествію; полки разставлены въ строю на площадкѣ предъ станціей откуда оно должно было начаться. Его Высочество въ полномъ атаманскомъ мундирѣ, принявъ хлѣбъ-соль отъ новочеркасскихъ станицъ, взялъ въ руку поднесенный Ему на подушкѣ перначъ и сѣлъ на коня. Сѣла на коня и Цесаревна: и она была на этотъ разъ въ амазонкѣ синяго атаманскаго цвѣта и въ казацкомъ головномъ уборѣ. Народъ восторженно встрѣ-

тилъ царственныхъ Атамана и Атаманшу: едва ли не въ первый разъ Донцы видѣли у себя Цесаревну-Атаманшу на конѣ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ, и казаки привѣтствовали ее съ одушевленіемъ и съ новою гордостью. Шествіе тронулось вдоль по бульвару, къ собору, гдѣ между тѣмъ образовался на площади войсковой кругъ изъ старыхъ знаменъ, бунчуковъ и регалій Войска Донскаго. У дверей соборнаго храма стоялъ въ полномъ облаченіи маститый архипастырь войска Донскаго, Платонъ, бывшій архіепископъ Рижскій. У самаго входа въ кругъ, Ихъ Высочества сошли съ коней, и Цесаревичъ, объ руку съ Цесаревной, стали обходить кругъ: на пути предъ ними троекратно преклонялись знамена. У входа въ храмъ Ихъ Высочества остановлены были привѣтственною рѣчью, которую высокопреосвященнѣйшій Платонъ произнесъ звучнымъ, выразительнымъ голосомъ. Вотъ эта рѣчь, придавшая особенно торжественный характеръ церковной встрѣчѣ:

„Благовѣрный Государь Цесаревичъ!

„Срѣтая Тебя, мы желали бы излить предъ Тобою наши сердца и вполнѣ выразить тѣ чувства любви и предан-

ности которыя питаемъ къ Тебѣ; но радость свиданія съ Тобою запинаетъ наше слово, и отъ избытка чувствъ нѣмѣетъ языкъ нашъ. Позволь же намъ сказать кратко: мы радуемся отъ души что Ты, надежда Россіи, удостоилъ посѣтить насъ, и преискренно благодаримъ Тебя за дарованное намъ счастіе насладиться Твоимъ лицезрѣніемъ.

„Ты благоволилъ прибыть къ намъ не одинъ, но съ возлюбленною Твоею Супругой и Августѣйшимъ Братомъ: это утрояетъ нашу радость. Молва о прекрасныхъ качествахъ Твоей Спутницы-Супруги давно расположила насъ къ Ней, а любовь къ Тебѣ и Россіи привлекла наши сердца,—и мы взираемъ на Нее съ восторгомъ какъ на „утреннюю зарю“, обѣщающую прекраснѣйшіе дни для нашего отечества въ союзѣ съ Тобою. Видѣть нынѣ любезнѣйшаго Твоего Брата въ вожделѣнномъ здравіи намъ пріятно въ особенности потому что мы недавно трепетали, представляя ту опасность какой Онъ подвергался въ бурномъ морѣ.

„О, да хранитъ Господь отъ всѣхъ золъ и напастей не только Васъ, Благовѣрные, но и весь Августѣйшій Родъ Вашъ, и управитъ все во благо Вамъ

на всѣхъ путяхъ Вашей жизни! Да ущедритъ Онъ Васъ дарами благодати Своей и содѣлаетъ Своимъ промысломъ, чтобы Вы, блистая свѣтомъ добрыхъ дѣлъ и качествъ, благотворно озаряли землю Русскую и радовали ее Собою, подобно Вашему Родителю, Красному Солнцу Россіи!

„Прости, Благовѣрный Государь, что мы не умѣемъ лучше выразить предъ Тобою нашихъ чувствъ и благожеланій. Донцы привыкли больше дѣйствовать нежели говорить. Повели, Государь Атаманъ, и мы на дѣлѣ лучше всякихъ словъ покажемъ какъ любимъ Тебя и какъ преданы Державному Твоему Родителю, общему нашему Отцу Благодѣтелю. „*Благословенъ Грядый во имя Господне!*“

Лучшій ораторъ тотъ кто лучше всего пойметъ и явственнѣе выразитъ предъ всѣми мысль и чувство, которое всѣми овладѣло въ ту минуту, но которое всѣ не могутъ и многіе не умѣютъ выразить. Тогда ораторъ является по истинѣ гласомъ народа и всѣ, слушая этотъ гласъ, живѣе ощущаютъ единое чувство ихъ одушевляющее и тѣснѣе въ этомъ чувствѣ соединются. Таково было дѣйствіе рѣчи преосвященнаго Платона. Его слово всякому слы-

шавшему показалось своимъ словомъ. Оно было тѣмъ дѣйственнѣе что въ настоящемъ случаѣ говорилъ отъ лица всей церкви, то-есть отъ всего собранія, глава и представитель общины церковной. Особливо при послѣднихъ словахъ поднялась со всею силой казацкая душа, ибо не умѣла бы лучше себя выразить въ эту торжественную минуту. Когда рѣчь окончилась, повсюду отирались слезы и слышалось: „Молодецъ! Вотъ сказалъ истинно по-казацки.“

Послѣ краткаго молебствія въ соборѣ, принявъ отъ преосвященнаго поднесенныя съ краткимъ напутствіемъ иконы, Ихъ Высочества вышли обратно въ кругъ который между тѣмъ перемѣнилъ свой фронтъ: главныя регаліи войска и столичные депутаты расположились прямо противу собора. По окропленіи знаменъ св. водою, Его Высочество, выйдя на средину круга, обратился къ войсковымъ членамъ съ слѣдующими словами: „Принимая, по волѣ Государя Императора, знаки атаманскаго достоинства, почитаю Себя счастливымъ что въ этотъ достопамятный для Меня день являюсь въ среду вашу съ милостивымъ Царскимъ словомъ. Государь Императоръ, отправ-

ляя Меня къ вамъ, поручилъ Мнѣ благодарить Донцовъ за ихъ всегда вѣрную, храбрую и усердную службу. Его Величество увѣренъ что доблести всегда отличавшія ихъ сохранятся и въ будущихъ поколѣніяхъ, и не забываетъ и гордится тѣмъ что въ продолженіе 27 лѣтъ носилъ званіе Атамана вашего. Его Величество съ благодарностію помнитъ радушный пріемъ сдѣланный покойному Брату, носившему то же званіе которымъ и Я горжусь,— и сожалѣетъ что не могъ Самъ прибыть къ вамъ со Мною и съ вашею Атаманшей. Что касается до Меня, прибавилъ Его Высочество,—то Я прошу васъ полюбить Меня такъ какъ вы любили покойнаго Моего Брата.“ Послѣднія слова, произнесенныя съ нѣкоторымъ волненіемъ, были покрыты громовымъ, восторженнымъ *ура*. Крики умолкли. Весь кругъ тронулся въ цѣломъ составѣ къ зданію присутственныхъ мѣстъ, окруженный густою толпой народа. Цесаревичъ, съ перначемъ въ рукѣ, предшествуемый войсковыми есаулами, окруженный бунчуками, сопровождаемый генералами и офицерами, шествовалъ за регаліями подъ звуки народнаго гимна. Государыня Цесаревна ѣхала въ ко-

ляскѣ до зданія войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Когда туда внесли войсковыя регаліи, Ихъ Высочества со свитой сѣли опять на коней. Подъѣхавъ ко дворцу, Цесаревичъ и Цесаревна сошли съ коней и прошли рука-объ-руку по площади покрытой народною толпой, а войдя въ домъ вышли на балконъ, кланяясь на всѣ стороны и отвѣчая на восторженныя привѣтствія.

Вечеромъ городъ освѣтился великолѣпною иллюминаціей. Особенно красиво былъ иллюминованъ маленькій садикъ у дворца. Къ этому садику примыкаетъ, отдѣляясь отъ него рѣшеткой, Александровскій Садъ, гдѣ устроился на сей разъ, въ ротондѣ, подъ открытымъ небомъ, танцовальный вечеръ. Ихъ Высочества прошли въ саду сквозь сплошную массу народа, разступавшуюся предъ Ними и потомъ сопровождавшую Ихъ до самой ротонды наполненной танцовавшими.

На слѣдующій день, 1-го августа, послѣ представленія военныхъ и гражданскихъ чиновъ, Ихъ Высочества выходили на площадь, на встрѣчу торжественному ходу направлявшемуся отъ собора къ фонтану, и присутствовали при молебствіи и водоосвященіи. Въ

три часа на Троицкой площади приготовленъ былъ обѣдъ для всѣхъ собравшихся въ Новочеркаскъ станичныхъ атамановъ и депутатовъ, и для наличныхъ Георгіевскихъ кавалеровъ. Ихъ Высочества прибыли къ обѣду верхомъ; столы были накрыты слишкомъ на 500 человѣкъ. Дорогіе Гости выпили первую чарку за здоровье Государя Императора, при звукахъ *ура* и народнаго гимна, потомъ, ходя между столами, милостиво разговаривали со стариками. Въ 5 часовъ того же дня Донское дворянство угощало Ихъ Высочества въ дворянскомъ собраніи торжественнымъ обѣдомъ, за которымъ войсковой дворянскій депутатъ В. М. Себряковъ, предлагая тостъ за здравіе Государя Императора, обратился къ Ихъ Высочествамъ съ выразительною рѣчью; этотъ тостъ и слѣдовавшіе за нимъ тосты—за Дорогихъ Гостей, и за доблестное и славное Войско Донское, возбудили горячее одушевленіе которымъ вообще отличался обѣдъ. Донцы радовались, видя посреди себя за столомъ Атамана своего вмѣстѣ съ Атаманшей которую всѣ такъ давно жаждали встрѣтить. Вечеромъ, предъ скаковою

бесѣдкой, сожженъ былъ фейерверкъ въ присутствіи Ихъ Высочествъ.

Слѣдующее утро, 2-го августа, было посвящено осмотру присутственныхъ мѣстъ и учрежденій. Въ зданіи войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ Ихъ Высочества подробно осматривали всѣ войсковые клейноды, Высочайшія грамоты и Высочайше пожалованныя войску знамена. Особенное вниманіе обращено было на любопытное собраніе подлинныхъ портретовъ донскихъ атамановъ и генераловъ, начиная отъ атамана Ефремова и кончая атаманомъ Власовымъ. Отсюда Ихъ Высочества прошли въ небольшой, но прекрасно устроенный музей управленія горныхъ и соляныхъ дѣлъ, содержащій въ себѣ любопытное собраніе минераловъ и окаменѣлостей, находимыхъ въ Землѣ Войска Донскаго. Посѣтивъ затѣмъ мужскую и женскую гимназіи, Алексѣевскій дѣтскій пріютъ и Донской женскій институтъ, Ихъ Высочества вернулись домой къ обѣду, къ которому приглашены были многія дамы, генералы и высшіе чины Войска Донскаго.

На 3-е августа, назначенъ былъ отъѣздъ изъ Новочеркаска. Простившись у дворца со станичными депутатами,

которыхъ Цесаревичъ тутъ же поздравилъ урядниками, Ихъ Высочества отправились на станцію желѣзной дороги, а оттуда, съ особымъ поѣздомъ, въ Грушевку. По дорогѣ, за Тузловскимъ мостомъ, выстроенъ былъ учебный полкъ, поровнявшись съ коимъ, поѣздъ остановился. Государь Цесаревичъ вышелъ изъ вагона, сѣлъ вмѣстѣ со свитой верхомъ и дѣлалъ смотръ и ученье: Цесаревна смотрѣла на маневры полка съ кургана, окруженнаго густою толпою казачекъ, устилавшихъ ей платками обратный путь къ вагону. Когда поѣздъ вновь тронулся, всѣ наѣздники учебнаго полка бросились провожать его въ разсыпную. Весело было смотрѣть какъ мчались, иногда у самыхъ колесъ, удалые всадники, другъ передъ другомъ отличаясь самыми смѣлыми эволюціями — они доставали землю на всемъ скаку, перескакивали съ одной лошади на другую, скакали стоя, боролись. Несмотря на то что поѣздъ вскорѣ пошелъ со скоростью до 30 верстъ въ часъ, скачка эта продолжалась на разстояніи 7 верстъ вровень съ поѣздомъ; наконецъ остались впереди только самые лихіе всадники съ самыми крѣпкими лошадьми: какой-то уряд-

никъ, перегнавъ всѣхъ, долго еще ѣхалъ наравнѣ съ вагонами, откуда наконецъ зрители простились съ нимъ, махая ему руками и шапками. Въ Грушевкѣ, на шахтахъ, Ихъ Высочества приняли поднесенную угле-промышленниками хлѣбъ-соль, на антрацитовомъ блюдѣ, и осматривали рудники устроенные по правильной системѣ, съ паровою водокачальною машиной: одна изъ этихъ новыхъ шахтъ принадлежитъ Войску, другая—устроена Обществомъ Пароходства и Торговли. Завтракъ послѣ осмотра былъ приготовленъ въ палаткѣ отбитой Кутузовымъ у Турокъ и принадлежащей нынѣ семейству генерала Иловайскаго. Послѣ завтрака Ихъ Высочества изволили отправиться обратнымъ путемъ черезъ Новочеркаскъ и Аксай въ Ростовъ-на Дону, гдѣ посѣтили соборъ и въ городской думѣ принявъ хлѣбъ-соль отъ Ростовскаго и отъ Нахичеванскаго городскихъ обществъ, встрѣчены были привѣтственною рѣчью Ростовскаго городскаго головы Байкова.

На Ростовской пристани Ихъ Высосочества пересѣли на новый пароходъ *Императрица Ма ія* и отправились далѣе. Послѣ краткой остановки у при-

стыни Гниловской станицы, бросили якорь на ночь у станицы Елисаветинской. Когда стемнѣло и взошла луна, Ихъ Высочествамъ предложено было посмотрѣть на рыбную ловлю устроенную казаками. Весело было ѣхать въ тихую, теплую, свѣтлую ночь, на большой лодкѣ, къ противоположному берегу установленному пылающими смоляными бочками и покрытому рыбаками. У берега десятки лодокъ съ народомъ окружили лодку Ихъ Высочествъ; при свѣтѣ огней казаки начали тянуть тоню которую закинули на счастіе Великихъ Гостей. Картина была необыкновенно живописная, достойная кисти лучшаго художника. Тòня была дѣйствительно счастливая: едва стали вытягивать ее на берегъ какъ раздались восторженные крики: бѣлуга! бѣлуга! И подлинно выкатили на берегъ чудовище-рыбу пудовъ въ 15 вѣсомъ. По возвращеніи на пароходъ явился на пристань хоръ наскоро составленный изъ мальчиковъ, и Великіе Князья долго слушали съ удовольствіемъ какъ этотъ хоръ пѣлъ малороссійскія пѣсни.

По утру 4-го числа на Таганрогскомъ рейдѣ, Ихъ Высочества пересѣли на

большой пароходъ Общества Пароходства и Торговли *Великая Княгиня Ольга*, на которомъ должно было совершиться дальнѣшее плаваніе до Крыма, и уже на пароходѣ приняли представлявшуюся съ хлѣбомъ - солью депутацію отъ Таганрогскаго общества. Слѣдующій день проведенъ былъ подъ Керчью, гдѣ Ихъ Высочества ѣздили осматривать строящіяся укрѣпленія пролива и посѣтили Кушниковскій институтъ. Ночь на Керченскомъ рейдѣ представляла восхитительное зрѣлище. Весь городъ, отъ воды до вершины Митридатовой горы, освѣтился огнями красиво опоясывавшими всѣ его возвышенности, съ берега слышалась веселая музыка, море было гладкое какъ стекло, озаряемое ясною луной. Долго не хотѣлось оторваться отъ чудныхъ картинъ южной ночи, но не успѣла еще тѣнь ея смѣниться утреннимъ свѣтомъ, какъ пароходъ снялся съ якоря. Къ утру открылись бѣловатые берега Крыма и въ первомъ часу Ихъ Высочества были уже подъ Ялтой. Отъ пристани отдѣлилась шлюпка: самъ Государь Императоръ подъѣзжалъ къ пароходу на встрѣчу Дѣтямъ.

Въ среду, 27-го августа, въ 7 часовъ вечера, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Государынею Цесаревной и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ изволили переправиться съ Ялтинской пристани на пароходъ *Тигръ*, въ сопровожденіи принца Альберта Саксенъ - Альтенбургскаго. При Ихъ Высочествахъ, кромѣ путевой свиты, находились: новороссійскій генералъ-губернаторъ П. Е. Коцебу, генералъ - адъютантъ Э. И. Тотлебенъ и шталмейстеръ А. П. Озеровъ. Пароходъ снялся съ якоря въ 11 часовъ вечера, и на слѣдующее утро остановился на Севастопольскомъ рейдѣ противъ Графской пристани. Въ 9 часовъ утра Ихъ Высочества, съѣхавъ на пристань, были встрѣчены адмираломъ Кислинскимъ и отправились на поклоненіе Всероссійской святынѣ. Поѣхали прежде всего во храмъ сооруженный надъ могилами славныхъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина. Здѣсь у могилы украшенной простымъ каменнымъ крестомъ, подъ сводами вчернѣ только отдѣланными, отслужена была надгробная литія усопшимъ героямъ. Помолились въ тишинѣ, причемъ не одна слеза канула на хо-

лодныя плиты; помолившись, постояли въ молчаніи. Каждому говорилъ внутренній голосъ: мѣсто на немъ же стоиши, свято есть. Здѣсь лежатъ люди которые духомъ своимъ первые зажгли огонь любви и мужества въ защитникахъ Севастополя, и какъ вѣрные пастыри, впереди всѣхъ, положили душу свою за все стадо.

Съ могилы адмираловъ Ихъ Высочества поѣхали, верхомъ, обозрѣвать главнѣйшіе пункты обороны, останавливаясь въ особенности на четвертомъ бастіонѣ и на Малаховомъ курганѣ. Отсюда открывалось во всѣ стороны обширное поле смерти, на которомъ ясно можно было различить мѣста главныхъ редутовъ и уцѣлѣвшіе слѣды траншей, при помощи такихъ руководителей какъ генералы Тотлебенъ и Коцебу. Никто не могъ бы объяснить развитіе великой севастопольской драмы лучше и выразительнѣе знаменитаго руководителя всей обороны, и, поистинѣ, можно было съ двойнымъ интересомъ и съ усиленною гордостью слушать отъ него чудную повѣсть о Севастополѣ. Возлѣ стояли— почтенный адмиралъ Кислинскій раненый въ первые дни бомбардированія осколкомъ бомбы въ голову на фрега-

тѣ *Iегудіилъ*,—Скарятинъ уцѣлѣвшій защитникъ Селенгинскаго редута и адмиралъ Карповъ, свидѣтель послѣдняго момента осады взятый въ плѣнъ на Малаховомъ курганѣ, какъ разъ въ ту пору дня и года когда Ихъ Высочества пріѣхали обозрѣть его, то-есть 27-го августа въ первомъ часу пополудни. Каждому изъ нихъ было что̀ разказать объ отдѣльныхъ эпизодахъ въ которыхъ каждый былъ участникомъ, и разказы ихъ проникали въ душу простымъ, но лучшимъ краснорѣчіемъ живой истины.

Въ то же утро Ихъ Высочества посѣтили развалины древняго Херсониса и обозрѣвали, въ сопровожденіи архимандрита Евгенія, медленно, но постепенно воздвигаемый на этомъ мѣстѣ храмъ, приготовляемыя для него иконы и любопытнѣйшіе остатки древней базилики съ крестильнею. На пути изъ Херсониса Ихъ Высочества осматривали, покуда еще неустроенный, но уже готовый къ открытію Севастопольскій музей, гдѣ собраны будутъ вещественные памятники осады, портреты знаменитыхъ участниковъ обороны Севастополя, виды, планы, картины и всякаго рода матеріалы и свѣдѣнія для Сева-

стопольской исторіи. По возвращеніи на пароходъ, за обѣдомъ, и послѣ обѣда, долго еще шла въ каютъ-компаніи одушевленная бесѣда съ почтенными участниками обороны о Севастополѣ и его герояхъ. Въ пять часовъ вечера Ихъ Высочества отправились на сѣверную сторону, къ русскому кладбищу, гдѣ уже готова вчернѣ церковь долженствующая служить поминальнымъ памятникомъ всему сонму воиновъ положившихъ на этомъ полѣ животъ свой за вѣру, царя и отечество. Церковь выстроена въ видѣ четырехгранной пирамиды; по угламъ ея, снаружи, пробиты доски изъ сѣраго мрамора съ означеніемъ полковъ къ которымъ принадлежали убитые, и число убитыхъ въ каждомъ полку. Архитекторъ Авдѣевъ, завѣдывающій строеніемъ, водилъ посѣтителей по всему зданію. Внутри церковь очень хороша: когда она будетъ отдѣлана, безъ сомнѣнія ее надобно будетъ отнесть къ числу храмовъ которые съ перваго шага овладѣваютъ вѣрующею душой и ставятъ ее въ мирѣ и благоговѣніи предъ Богомъ. Храмъ не очень великъ, уютенъ и очень пропорціоналенъ въ размѣрахъ; особенно же замѣчательна

въ немъ стѣнная живопись исполняемая художникомъ Корнѣевымъ. Счастливая была мысль, посреди воспоминаній смерти и разрушенья, окружить здѣсь молящагося отовсюду картинами воскресенія и жизни: подлинно это будетъ храмъ Воскресенія, и съ внѣшней стороны храма, подходящаго къ нему прежде всего встрѣчаетъ изображеніе ангела на могильномъ камнѣ предъ Мироносицами, съ надписью: *нѣстъ здѣ, но воста*. Отъ церкви внизъ по горѣ спускается огромное кладбище (одно изъ числа 35 русскихъ кладбищъ) уставленное могилами въ надгробныхъ памятникахъ сложенныхъ изъ бѣлаго камня. Бо́льшая часть этихъ могилъ огромнаго размѣра это такъ-называемыя *братскія* могилы, гдѣ сложены цѣлыми компаніями вмѣстѣ братья-солдаты. Никто не скажетъ вамъ именъ этихъ покойниковъ: эти имена вѣдомы единому Богу. Лежащіе здѣсь братья не для славы своей шли на встрѣчу смерти: не думали они завѣщать потомству имена свои, они въ простотѣ души шли умирать ради священнаго долга, по зову начальника умиравшаго впереди всѣхъ, съ мыслью не выдавать другъ друга и не посрамить земли рус-

ской. *Больше сея любви никто же имать.* На южной сторонѣ стоитъ, возлѣ большаго собора, безъ службы и пѣнія, маленькая, оставленная, полуразрушенная церковь. Мимо этой церкви нельзя пройти безъ благоговѣйнаго чувства: грудь просится вздохнуть, рука—сотворить крестное знаменіе. Въ этой маленькой церкви, въ теченіе всей осады, подъ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ, подъ свистомъ летающихъ снарядовъ, отпѣвали всѣхъ убитыхъ защитниковъ Севастополя, большихъ и малыхъ, отъ адмирала до простаго солдата. Грѣхъ, кажется, оставлять такой храмъ безъ службы и пѣнія, тѣмъ болѣе что для возобновленія его потребовалась бы не очень значительная сумма, и достойно было бы этому возобновленію совершиться изъ всенароднаго сбора по рублямъ и копѣйкамъ.

Около кладбищенской церкви, въ сторонѣ, стоитъ отдѣльною часовенькой изъ сѣраго мрамора памятникъ князю Горчакову, котораго тѣло погребено здѣсь по завѣту усопшаго. Внутри часовеньки на пьедесталѣ бюстъ князя, изъ бѣлаго мрамора, прекрасной работы, съ надписью; на верху икона, съ лампадой.

Вернувшись на пароходъ въ 8 часовъ вечера Ихъ Высочества простились съ Севастополемъ: въ послѣдній разъ, въ ночной темнотѣ, явились предъ Ними берега святой земли въ очертаніяхъ разноцвѣтныхъ огней, и слышалась музыка съ бульвара, на которомъ въ былые года цвѣла и кипѣла жизнь и дѣятельность города еще полнаго жизни, богатаго надеждами. Теперь, это развалины въ пустынѣ, кости сухія, и русская душа съ тоской молитъ Бога послать духа на нихъ чтобъ ожили онѣ и процвѣли новою жизнью. Но, какъ изъ свѣжей могилы, изъ этихъ развалинъ слышится душѣ тихій голосъ вѣры проповѣдующей воскресеніе. У кого, въ суетѣ общественной жизни, наболѣвшая душа готова утратить вѣру въ лучшія силы духа и въ достоинство природы человѣческой, тому надобно пріѣхать сюда и еще разъ прослушать и обозрѣть на мѣстѣ здѣшнюю повѣсть во всей ея простотѣ и величіи, для того чтобъ обновиться духомъ и возвратиться на дѣло свое съ новою вѣрой въ могущество духовныхъ началъ человѣческой природы.

2-го сентября Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Государыней Цесарев-

ной отплыли отъ Ялтинской пристани на военномъ пароходѣ *Тигръ*. Въ Одессу слѣдовало прибыть на другой день къ вечеру, но противный вѣтеръ задержалъ плаваніе и принудилъ пережидать погоду у берега Тарханъ-Кутъ, неподалеку отъ Евпаторіи. Прибытіе въ Одессу послѣдовало утромъ 4-го сентября, и весь этотъ день занятъ былъ обозрѣніемъ города, причемъ Ихъ Высочества посѣтили лагерь, Новороссійскій университетъ и институтъ. Вечеромъ, послѣ блистательнаго фейерверка, устроеннаго городскимъ обществомъ, Ихъ Высочества присутствовали на парадномъ спектаклѣ, въ городскомъ театрѣ; спектакль состоялъ изъ пѣнія (хоръ славянскихъ пѣвцовъ и г. Гордѣевъ) и двухъ актовъ италіянской оперы *Риголетто*; а послѣ спектакля въ 12 часовъ, простились съ Одессой и отправились съ нарочнымъ поѣздомъ, по пути въ Кіевъ.

5-го сентября, въ 12-мъ часу пополудни, поѣздъ остановился у Кіевской станціи. Еще нѣсколько минутъ, и мы уже мчались посреди народнаго множества, между рядами праздничныхъ огней, по широкимъ улицамъ, къ дому генералъ-губернатора, гдѣ было приго-

товлено помѣщеніе для Ихъ Высочествъ. Еще не видно было города со всѣми его красотами въ ночной темнотѣ; виднѣлись только на высотахъ очертанія церквей и другихъ зданій освѣщаемыя шкаликами и бенгальскими огнями; но мы уже были въ Кіевѣ, и сердце билось на пути отъ одной мысли о томъ, по какой землѣ мы ѣдемъ, на какомъ мѣстѣ находимся. Какая русская душа не мечтала увидѣть Кіевъ? Какое русское сердце не билось, почувствовавъ себя въ первый разъ посреди всенародной святыни Кіевской?

Лишь на слѣдующее утро Кіевъ раскрылся предъ Августѣйшими Путешественниками во всемъ своемъ величіи. Первый выѣздъ Ихъ былъ, безъ сомнѣнія, въ обитель преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, въ лавру Печерскую. У святыхъ вратъ Ихъ Высочества были встрѣчены преосвященными: митрополитомъ Арсеніемъ, викарнымъ епископомъ Порфиріемъ и преосвященнымъ Александромъ (бывшимъ игуменомъ соловецкимъ), съ братіей. Когда Цесаревичъ съ Цесаревной стали предъ воротами, слушая привѣтственную рѣчь митрополита, окруженные густою тол-

ной народной, чудны показались святыя врата, съ написанными на нихъ ликами преподобныхъ печерскихъ выходящихъ на встрѣчу благовѣрнымъ князьямъ русскимъ. Кончилась рѣчь, и тронулось во врата величественное шествіе, съ хоругвями, съ пѣніемъ и звономъ, къ соборной Успенской церкви увѣнчанной семью золотыми главами. Посреди великолѣпнаго храма, надъ всѣми пронеслось невольно чувство благоговѣнія: мы стояли на томъ мѣстѣ, куда въ теченіе девяти столѣтій стремится благочестивая мысль русскаго человѣка изъ дворцовъ и изъ хижинъ, куда стекаются изъ всѣхъ дальнихъ концовъ земли своей русскіе люди—и каждый несетъ съ собою завѣтную мысль, завѣтное горе, горячую молитву и трудовую копѣйку свою: сколько пролито здѣсь русскихъ молитвенныхъ слезъ, сколько вынесено отсюда утѣшенія и воспоминаній оживляющихъ простую, бѣдную жизнь крестьянина! Предъ нами тихо спускалась съ высоты царскихъ вратъ, сіяя золотыми лучами, первая святыня лавры—икона Успенія, около насъ покоились въ гробницахъ преподобный Ѳео-

досій Печерскій и первый митрополитъ кіевскій Михаилъ.

Поклонившись соборной святынѣ, Ихъ Высочества спустились, въ сопровожденіи преосвященнаго Арсенія, въ пещеры, на поклоненіе святымъ угодникамъ въ нихъ почивающимъ; посѣтивъ сначала ближнія Антоніевы пещеры, перешли затѣмъ въ дальнія преподобнаго Өеодосія. Здѣсь окончилось на первый день поклоненіе святынѣ; отдохнувъ затѣмъ въ келіяхъ у митрополита, за завтракомъ, Ихъ Высочества простились съ лаврою.

Вечеромъ того же дня устроенъ былъ городскимъ обществомъ народный праздникъ, на берегу Днѣпра, въ Китаевѣ, недалеко отъ пустыни носящей то же названіе, по имени бывшей тутъ усадьбы князя Андрея Боголюбскаго. Переѣздъ отъ Подольской пристани до Китаева совершился по Днѣпру на пароходѣ *Александръ II* и составилъ пріятнѣйшую прогулку, потому что весь этотъ путь пролегаетъ мимо живописнаго кіевскаго берега. Предъ нами разстилались по берегу въ живописной панорамѣ, одинъ за другимъ, историческіе памятники стараго Кіева и знаменитыя его урочища: Андреев-

ская гора, церковь Андрея Первозваннаго, Десятинная, Трехсвятительская (мѣсто стараго Перуна), лощина Крещатика, Аскольдова могила, лавра Печерская съ своею живописною лощиной, весь Выдубицкій монастырь, потонувшій своими бѣлокаменными церквами въ глубинѣ густой зелени между горъ. Близь Китаевской пристани, на самомъ берегу, устроенъ былъ павильйонъ, изъ котораго Ихъ Высочества долго любовались кипѣвшимъ около павильйона народнымъ весельемъ, играми и малороссійскими плясками подъ звуки бандуры и скрипки: народу сошлось сюда множество изъ окрестныхъ мѣстъ; всѣ, кому только можно было, спѣшили посмотрѣть на Цесаревича съ Цесаревной. Повсюду видны были одни русскія веселыя лица и русскій духъ съ русскою пѣсней слышался отовсюду. Можно было пожалѣть только о томъ что въ эту пору не приходилось малороссійскому наряду выказаться предъ Ихъ Высочествами во всей лѣтней красотѣ своей, потому что дни стояли холодные, напоминавшіе сѣверную осень.

Въ половинѣ седьмаго часа стало смеркаться и началось обратное пла-

ваніе. На этомъ пути развернулась предъ Ихъ Высочествами по рѣкѣ и на берегу такая картина подобную которой трудно еще увидѣть гдѣ-либо, какъ трудно увидѣть городъ подобный Кіеву. Мѣстность кіевская по Днѣпру особливо благопріятна для иллюминаціи, и подлинно иллюминація устроена была на славу. Пароходъ плылъ точно по волшебной рѣкѣ покрытой сплошными отблесками огней, живописно обрисовывавшихъ крутизны кіевскаго берега и съ рѣдкимъ искусствомъ расположенныхъ; на противоположномъ берегу горѣли смоляныя бочки. Начиная съ моста Струве, фантастически освѣщеннаго разноцвѣтными бенгальскими огнями, до самой городской пристани непрерывно продолжалось, оживляясь огнями по мѣрѣ приближенія судна, очаровательное зрѣлище. Когда пароходъ поровнялся съ крѣпостью, начался фейерверкъ и продолжался послѣдовательно въ назначенныхъ мѣстахъ по всему пути, перемежаясь съ бенгальскими огнями которыми освѣщались темныя ущелья, памятники и церкви на высотахъ.

Вечеръ этотъ закончился спектаклемъ въ которомъ еще многіе изъ кі-

евскихъ жителей имѣли случай ближе наглядѣться на Дорогихъ Гостей Кіева. Спектакль состоялъ изъ двухъ актовъ *Русалки* и перваго акта *Жизни за Царя*, и оставилъ всѣмъ присутствовавшимъ пріятное впечатлѣніе. Новая русская оперная труппа заслужила общую похвалу прекраснымъ исполненіемъ русской музыки, особливо *Жизни за Царя*.

6-го числа, въ воскресенье, отслушавъ литургію съ панихидой въ домашней церкви, Ихъ Высочества посѣтили военный лагерь, а оттуда проѣхали въ соборъ Св. Софіи. Предъ вратами, у ограды и въ оградѣ вдоль хода, собралось уже множество народа повсюду упреждавшаго, по слуху, прибытіе Цесаревича и Цесаревны, Которыхъ всякій хотѣлъ видѣть подольше и поближе. Посреди обширнаго двора стоитъ пятнадцати-главый храмъ Ярославовъ, Св. Софія, — славная твердыня, одна изо всѣхъ древнихъ храмовъ устоявшая посреди общаго разрушенія, пережившая всѣ страшныя бури вражескихъ нашествій какія разражались надъ Кіевомъ: поистинѣ—это первый соборъ всея Руси и первое ея святилище. Красота и величіе этого храма

поразительны; и какъ-то особенно легко и свободно чувствуетъ себя въ немъ русскій богомолецъ: когда стоишь здѣсь предъ величественнымъ мозаичнымъ образомъ Богоматери, въ тѣхъ же стѣнахъ, на томъ же мѣстѣ гдѣ молился предъ нимъ Ярославъ великій, — стоишь осѣняемый воспоминаніями минувшихъ вѣковъ, чувствуешь что стоишь дома, на мѣстѣ откуда пошла земля Русская, чувствуешь что здѣсь наше родное мѣсто,—что̀ бы ни происходило за стѣнами этого храма, чьи бы иноязычныя рѣчи ни раздавались на площади, какъ бы ни слышалось тамъ смѣшеніе языковъ и мыслей. „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ". Здѣсь будетъ и, если есть на землѣ что-либо твердое, здѣсь пребудетъ Русское Царство!

Долго еще пробыли въ соборѣ Царственные Гости, любуясь въ благоговѣніи чудною мозаикой сохранившеюся на алтарной стѣнѣ и въ куполѣ собора, смотрѣли древнюю гробницу Ярославову и остатки старинной живописи на стѣнахъ, обозрѣвали придѣлы на хорахъ и поклонялись св. мощамъ во храмѣ почивающимъ. Отсюда проѣхали въ Михайловскій монастырь къ мо-

щамъ Св. Великомученицы Варвары, въ Десятинную церковь и въ храмъ Андрея Первозваннаго. По сосѣдству, Ихъ Высочествамъ угодно было пройти въ усадьбу А. Н. Муравьева полюбоваться прекраснымъ видомъ который самъ хозяинъ удостоился показывать и объяснять изъ своего сада Высокимъ Посѣтителямъ. Подлинно было чѣмъ любоваться съ этой высоты: внизу разстилалась предъ зрителями живая картина всей кіевской древности, и сколько слышалось именъ съ дѣтства знакомыхъ и священныхъ Русскому человѣку! Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, каждое изъ этихъ именъ приражалось къ дѣйствительности которую мы предъ собою видѣли. Съ одной стороны старый Кіевъ съ своими великими памятниками, съ другой стороны весь Подолъ внизу и долина Днѣпровская—Кожемяки, Глубочица, могила Олегова, Щекавица, Хоревица, Вышгородъ—село Св. Ольги, могила Св. Бориса и Глѣба—какія имена и какія воспоминанія!

Этою общею картиной закончилось, по краткости пребыванія въ Кіевѣ Ихъ Высочествъ, обозрѣніе древности Кіевской: вечеромъ Ихъ Высочества посѣтили только женскій институтъ.

На слѣдующее утро назначенъ былъ выѣздъ изъ Кіева. Но оставалось еще мѣсто и время для торжества, которымъ во всей полнотѣ должно было завершиться благоговѣйное поклоненіе Государя Цесаревича и Государыни Цесаревны всероссійской святынѣ. На слѣдующее утро Софійскій соборъ праздновалъ свой великій праздникъ Рождества Богородицы, съ которымъ соединяется здѣсь, по древнему обычаю, имя Св. Софіи. Счастливая судьба указала намъ провесть именно это утро въ Кіевѣ, и намъ довелось слушать торжественную литургію у Св. Софіи въ день ея праздника. Лучшаго напутствія не могъ дать старый Кіевъ своимъ Молодымъ Великому Князю съ Княгинею! Когда стали Они противу царскихъ вратъ, противу вѣковѣчной „Нерушимой стѣны“ древняго Кіева и всея Руси, когда засіялъ на нихъ и на все собраніе изъ отверстыхъ вратъ благословляющій образъ съ воздѣтыми къ небу руками, и вокругъ нихъ собрался со всѣхъ сторонъ народъ, объемля ихъ отовсюду своею молитвой, хорошо стало безъ мѣры въ Ярославовомъ храмѣ и, казалось, минувшее приникло къ настоящему въ молитвенномъ согласіи, въ един-

ствѣ любви къ родному краю и благоговѣйнаго чувства. Такъ простились Царственные Гости съ Кіевомъ: и да сіяетъ онъ навсегда у Нихъ въ душѣ тѣмъ чувствомъ которое на прощанье Имъ оставилъ!

2007050092